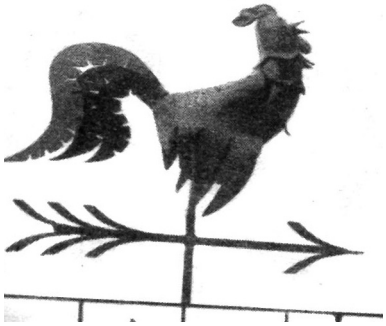
Игорь Золотарёв



СВИРИСТЕЛИ

Книга для детей

Орёл-2013

УДК 804.024 (075.8)
ББК Ш 147.11я 73
3-82

3-82 Золотарёв И.Л. **Свиристели (райские птицы).** Книга для детей. – Орёл: Издатель Александр Воробьёв, 2013. – 100 с.

ISBN 978-5-91468-137-8

Игорь Леонардович Золотарёв, как и все, тоже когда-то был в детстве, входил в Великое Племя Детей. И вот, наконец, по следам своих впечатлений и воспоминаний он написал новую книгу, она называется «Свиристели», есть такие птицы в мире природы. Вроде серьёзный человек, даже учёный, а написал такую книжку о своей малой родине. И про птичек, которые будят его с утра стуком клюва в окошко. И про любимую собачку – пинчера Шмеля, как он деньги считает. И про Серого Волка, который поёт баритоном. И всё это птичье царство, всё это голос из детства, всё это про мир живого, о чём великий русский поэт Сергей Есенин сказал: «И зверьё, как наших братьев меньших, никогда не бил по голове».

И это всё о нашем окружающем мире. И это всё для вас, дети.

ISBN 978-5-91468-137-8

© И.Л. Золотарёв, 2013
© Издатель Александр Воробьёв, 2013

Игорь Леонардович Золотарев

СВИРИСТЕЛИ

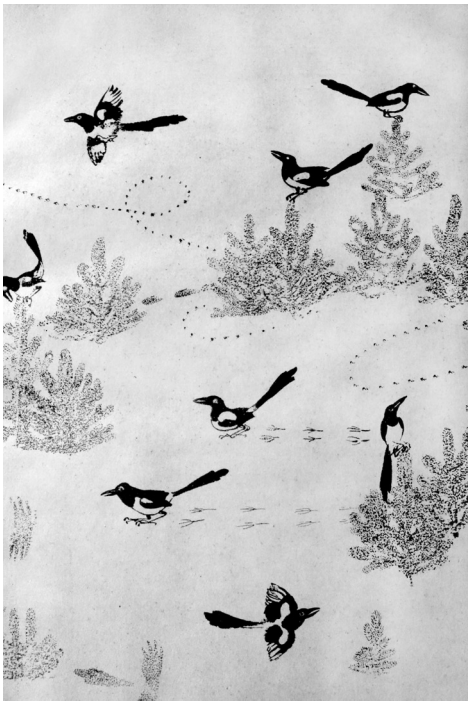
Райские птицы

Книга для детей

Избушка на курьих ножках

ЛЕТО В ДЕРЕВНЕ

Лунь – зелёные глаза



Сороки-белобоки

ДЯТЕЛ И АЗБУКА МОРЗЕ

Летом, после школы, я со своими родителями приехал в деревню, на нашу дачу. Как рад был я видеть снова лес на высоком берегу речки Алёшни, рядом, возле деревни. В поле по обеим сторонам дороги цвели ромашки, одуванчики, васильки, колокольчики. И тут же в роще берёзы и липы укрывали меня от палящего солнца. Днём мы все вместе прибирали дом, я подметал, мама мыла полы. Потом мы сгребали во дворе скошенную траву. А после обеда я принялся читать повести и рассказы Льва Николаевича Толстого, который когда-то бывал в этих местах.

Когда наступил вечер, я подхватил бидон и побежал к роднику за водой. Ключ бил под бугром, на самом берегу. Вода была студёная, вкусная, гораздо лучше той, что в колонке у нас во дворе.

Солнце почти закатилось. Птицы пели всё реже, отпели своё, укладывались спать. Завтра им рано вставать: и самим надо поесть, и накормить свою детвору.

Каждое лето к нам в сад прилетал дятел, садился на дерево и долбил в ствол, словно выстукивал азбуку Морзе. Потом перелетал к соседям на высокое, отдельно стоящее дерево и уже на нём выискивал жуков и личинок. Однажды мне показалось, что дятел настолько привык, что совсем меня не боится. Я сидел вечером в саду за столом и наблюдал за закатом солнца.

Река была ниже откоса, от неё веяло прохладой. Я перешёл на крыльцо. Где-то далеко в лесу ухала сова. Совсем стемнело. В распахнутое окно слышно было, как по радио передавали оперу Чайковского «Евгений Онегин» в постановке Мариинского театра. Едва мы успели послушать арию Ленского, как радио отключили. Под впечатлением классической музыки, птичьих голосов, встречи с лесом, под впечатлением от прочитанных страниц я лёг спать. Однако никак не мог заснуть. Но свежий лесной воздух усыпил меня, и я спал в эту ночь хорошо.

Утром я проснулся от стука в окно. Сначала подумал, что это сосед пришел к нам зачем-то, потом что дятел выстукивает по стеклу азбуку Морзе. Какой у него острый, настойчивый клюв! Однако дятел стучал бы сильнее. Прошлым летом дятел выстукивал каждое утро в соседнем дворе на большой груше, а то, бывало, и на берёзе в лесу, через дорогу. Причём стучит дятел обычно долго, настойчиво, не боясь никого. А тут стук в стекло не такой уж и сильный, не такой смелый, мелкое такое постукиванье.

Не хотелось подниматься с постели, чтобы взглянуть на окно. Боялся спугнуть того, кто стучал. Конечно, это не человек, а какая-то птица. Не такая большая, как дятел, а поменьше, но все-таки птица. Чёрная, таинственная.

В самом деле, это была какая-то птичка, пичужка. Она клевала на окне бесчисленных мошек и комаров. Вот тебе и дятел! Вот тебе и азбука Морзе! Я вскочил, поскорее умылся и, прежде чем позавтракать, взялся за определитель зверей и птиц. Во втором томе было про птиц. Цветные вкладки. Оказалось, это мухоловки. Это они прилетают сюда к нам за кормом. Они по утрам принимаются склёвывать со стекла мошкару, выбивая, подобно дятлу, клювом своим азбуку Морзе.

Вот что открыл я для себя эти летом на даче, в нашей лесной деревеньке.

ГНЕЗДО В КРЫЖОВНИКЕ

Утром отец сказал: «Что ж наш сад-то не убран? Особенно где малина, смородина, крыжовник». И я живо ответил: «Сейчас побегу, повыдергиваю сорняк». И тут же ринулся к кустам возле бани, где совсем всё сплелось. Сплошь бурьян, сплошная крапива. Воевать я взялся сначала с лопухами возле железной койки под навесом, за баней.

С малиной ещё ничего, можно легко обломать сушняк. Кусты чёрной смородины я окапывал лопатой. Но крыжовник такой колючий! Побежал я домой за перчатками: ну и колюч! Просто невозможно к крыжовнику подступиться.

Шевельнул я ветку, и тут откуда ни возьмись птица. Вылетела изнутри и упала в траву поблизости. Я к ней, чтобы хоть глазком одним взглянуть: что за птица? А она от меня порх и в траву. Я за ней, а она за загородку и на протоптанную дорожку. А там дети деревенские подъявились – Андрюха и Никита. Кинулись они к ней, чтобы поймать её. Хвать руками за траву, где она села, а она порх – перепорх и за липы, к околице. С одного места на другое, на третье. Вспорхнула на дерево и сидит, глядит оттуда.

Потом взмыла в небо и полетела вверх к тучам, к собирающейся грозе.

Вернулся я к кусту крыжовника, заглянул поглубже. И что там вижу: гнездо, а в нём сидят тихо-тихо птенцы. Вот это да! Вот это мама! И умна – свила гнездо себе в самом колючем крыжовнике, чтобы соседские коты не могли подобраться, бродят тут по деревне. И отважна – вот куда увела всех нас от гнезда своего, аж за липы, за сад, до околицы. Восхищаюсь я ей, этой птицей. Вот что такое в природе забота о потомстве! Вот что это в мире животных и птиц! Коты думают о себе, о своей охоте, а птица – о своих птенцах, ребятишках. Не стал я после этого трогать ни траву возле крыжовника, ни, тем более, этот куст. И когда отец спросил меня: «А что же ты

траву-то оставил возле крыжовника? Пойдут от неё сорняки,» — я ответил:

– Пойди, глянь, почему я даже крапиву оставил?

Отец пошёл взглянуть на куст и вскоре вернулся.

– Молодец, – сказал он и крепко, по-мужски, пожал мне руку.

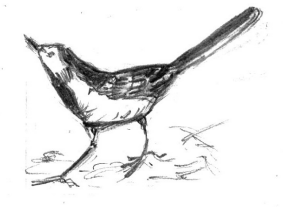
Когда птенцы оперились и улетели, птица не раз прилетала к нам сюда в сад, к гнезду своему.

Не трогаю я этот крыжовник уже целое лето. Смотрю на небо, где птицы сбиваются в стаи, готовят птенцов к перелёту.

К концу лета я увидел в нашем саду много, много птиц. Столько птичьего пения, столько молодых голосов. И оттого веселее и радостнее. Вся территория сада, двора теперь во власти этой птицы с её выросшими, вставшими на крыло детьми.

К осени сад опустел. Улетели караваны на юг. Скоро начнутся дожди. Собраны яблоки, попадал крыжовник. Но я не трогаю это гнездо, храню его в память о птице, которая, когда вернётся, снова окажется в нашем саду, в нашем крыжовнике. Она выберет снова, я знаю, это своё родное гнездо.

«ТРЯСОГУЗКА – ТРЯСОГУЗОЧКА, БАЛЕРИНА С ПЕРЕУЛОЧКА»



Первого мая отец объявил за завтраком:

– Страна сегодня отмечает праздник труда. Все втроём айда на огород!

Мы взяли лопаты и пошли копать землю рядом тут за сараем. Отец копал и считал, сколько раз копнул вдоль, а сколько раз поперёк.

– В один ряд тридцать раз, – приговаривал он вслух сам себе. – А рядов пятьдесят. Тридцать на пятьдесят получится тысяча пятьсот. Полторы тыщи раз на всех троих, это столько придётся копать лопатой.

Земля грубая, жёсткая, даже лопата не лезет. Ишь, как погнулась. Хорошо, хоть не сломалась, осталась цела.

Земля была почти вскопана, когда к нам сюда, на этот конец огорода, прилетела птичка. Стала ходить по вспаханному туда-сюда изящно, красиво, как балерина какая.

– Глядите, как ходит она, помахивает своим длинным хвостом! – восхищённо закричали мы с мамой. – А зовут её как?

– Трясогузка, – ответил папа.

– Трясогу-узка? – протянула мама разочарованно.

– Трясогузка – трясогузочка, – сказал папа нараспев, как стихи свои на французский манер. – Трясогузка – трясогузочка, балерина с переулочка.

«Такая красивая птичка, – подумалось мне, – и такое название неблагозвучное».

Мама ушла домой готовить обед, а в это время по дороге проходила мимо нас девочка с другого края деревни. Девочка эта по имени Люба приехала сюда из Москвы вчера. Уже после нас. Москвичка вышагивала по деревенской дороге так легко, грациозно, как птичка, что ходила тут у нас по огороду. И я запел, подражая папе, туда ей на дорогу:

– Эй ты! Трясогузка – трясогузочка, балерина с переулочка.

Птичка перепархивала с грядки на грядку, с кочки на кочку, с места на место. И красиво же ходила эта самая птица! От ходьбы тёмный хвостик её вздёргивался, светлые крылья трепетали, как бальное платье, что надела бы девочка Любочка. Это был балет, настоящее представление. И отец перестал копать грядку, принялся считать, сколько раз балерина прошлась туда-сюда по вскопанному и несколько раз при этом дёрнула своим грациозным хвостом. Трясогузка при этом, наклоняясь, с удовольствием подбирала червяков своим маленьким клювиком.

Было тепло. Девочка Люба, эта москвичка, опять прошла по дороге мимо нашего дома в своем синем-синем, как небо, платочке. И я пошёл домой, взял карандаш, лист бумаги, сел на пенёк вблизи огорода и тихо, чтобы не вспугнуть трясогузку, стал её рисовать. Сначала я нарисовал туловище, но никак не удавалось мне пририсовать к нему с синеватым отливом головку. Получалось синее-синее небо, как платочек у Любы. Тогда я стёр резинкой туловище и начал рисовать птицу с головы, а уж потом пририсовал и туловище, хвост и всё остальное. Вот какой вышел у меня рисунок! Ничего себе, птичка – живая, с чёрными бусинками глаз, отливающая синим под лучами весёлого майского солнца.

Тут же я побежал показывать свой рисунок родителям, и они пошутили, что мне, может, надо учиться на художника, как друг отца дядя Валя Чухаркин в Суриковском институте. Отец предложил мне назвать птицу, дать ей человеческое имя. И я назвал её Любой.

Потом я взял бумажный лист и приписал к рисунку такие слова: «Москвичка Люба. Трясогузка – трясогузочка, балерина с переулочка».

Может, мне и не удалось передать на листе грациозность, живость той самой птички, что помогала нам копать огород в день Первого мая. Конечно, на бумаге трясогузка не была точно такой, как на грядке. Но это не так уж и важно. Главное, я запечатлел её, чтобы всё это запомнить, никогда не забыть.

«ВОРА – БЕЙ!» ВОРОБЕЙ В НАШЕМ ДОМЕ

Холода прихлынули, распустилась черёмуха. Упала с неба в её белоснежную шапку шумная воробьиная стайка. Как в воду канула, в гущу ветвей — не видать, не слыхать. Только один воробей отделился от всех, сел на сухой длинный сучок. Взъерошился, раскричался.

Наш кот Васька гулял за домом где-то поблизости. Услышал он воробья и аж на цыпочки встал: любит кот всяких птичек, а особенно воробьёв. Облизнулся Васька, промурлыкал что-то под нос себе. Но воробей услышал его, и от кота туда – в приоткрытую дверь, в её тёмный провал. Влетел воробей в комнату и испугался: «Куда это я попал?» Огляделся и к окну, занавешенному тюлем. Ударился о стекло и упал.

И стал метаться воробей по всему дому. По зальчику, в спальню, на комод сел, забился за холодильник. После этого в сенцы слетал, оттуда даже на чердак, но что-то быстро вернулся. А что там делать-то на чердаке? Душновато, темновато, окошко застеклено, еды никакой.

Возвратился воробей на кухню, где миска на полу, а в ней хлебные крошки. Только он хотел угоститься этими крошками, как услышал шорох позади себя: кто-то крадётся. А это кот Васька глазищами зелёными своими сверкает. Прилетел Васька пулей сюда, хотя был где-то в саду. Ещё вон откуда почуял воробья, который вторгся в его пределы. Как увидел я кота Ваську шипящего, дугой выгнувшего спину при виде воробья, так у меня самого по телу пробежали мурашки.

– Мяу, – прорычал кот Васька – большой любитель охоты на воробьёв, на этого воробьишку, покусившегося на его миску с едой.

– Варабей! Варабей! – закричал истошно Васька, можно было подумать: – Вора бей, вора бей!

Куда деваться бедному воробью! Занавески задернуты, дверь закрыта. Метнулся воробей со страху опять в окно, ударился о стекло и повис на тюлевой занавеске. Затрепетал от ужаса, зацепясь коготком за этот тюль занавесочный.

И стал воробей метаться туда-сюда. Взмыл вверх, ударился о потолок. Стал перелетать от окна к окну, от стены к стене, потом сел на люстру и стал смотреть с высоты своей на кота Ваську.

– Вот какая! Вот какая катавасия! – повеселел воробей, хлопая крыльями и глядя сверху вниз на кота Ваську. – Катавасия, катавасия!

Когда воробей был на полу, у Васькиной миски с едой, кот был настолько уверен в себе, в своих силах. Ещё чуть, и он этого воробья схватит, окажется в лапах у него это мелкая птичья тварь. Когда воробей оказался на занавеске, кот Васька был ещё ничего, не в таком растерянном виде. А вот когда воробей сел на люстру, уселся на краешек её под самым потолком, кот Васька совсем пал духом, так растерялся. Погладил я его по спине – от головы до хвоста, взял на руки и вынес из дому, а дверь закрыл.

– Вот такая катавасия, – сказал я воробью, сидящему высоко на люстре. – Не бойся, я тебя ему не отдам.

А воробей сидел себе на люстре, смотрел сквозь тюлевую занавеску на сад, на лес, на белую черёмуху во дворе, на синее-синее небо и не мог оторвать глаз от родимой стихии.

– Вора бей! Вора – бей! – кричал Кот Котофеич внизу под окнами.

Слышал воробей мой голос и думал, скорее всего, о том же: как бы выбраться ему поскорее отсюда? И опять он бросился в окошко на тюлевую занавеску, зацепился за неё и повис, закачался на тюле. Молча отцепил я его от занавески и распахнул перед ним пошире окно, дал воробью свободу.

Покрутился воробей сначала над двором, потом над садом, всё разглядывал сверху кота Ваську тут у нас во дворе.

– Тюль, тюль! – помахал я рукой воробью.

– Воробей, вора бей! – облизываясь, вопил кот Васька, глядя то на меня, то на небо, где летали с чириканьем воробьи.

Хорошо котам жить вместе с нами в доме. Не думать ни о еде, ни о холодах. Да и воробьям в сарае, в саду, где можно вить себе гнёзда, тоже неплохо. Сидела воробьиная стайка в белых шапках черёмухи и всё это видела, наблюдала, как кот Васька на ус себе всё это наматывал. А что я себе на ус намотаю? Воробей – это такая птица, которая, как голубь, жмётся к людям. Отважный, находчивый, как у Тургенева в его стихотворении в прозе. Но Тургенев не мог видеть нашего кота Васьки. А если бы увидел, чем бы тогда он закончил это стихотворение? Может, так? Не всё коту масленица.

Теперь-то уж в чёрный провал двери этот воробей не залетит никогда.

ПЕСНЯ ЖАВОРОНКА

Ранним утром мы собрались в лес за грибами. Идём полевой дорогой, по сторонам хлеба да хлеба. А в них васильки да васильки, синие-синие. Как небо, что брызнуло со своей высоты и осталось в этом поле до самого горизонта. И тут выпрыгнула на дорогу, бежит впереди нас какая-то птица, похожая на жаворонка. Так и есть, жаворонок. Поскачет, поскачет вперёд и остановится. Оглянётся и смотрит на нас, не отстали ль мы, догоняйте.

– Это он нам дорогу кажет, – сказал мне папа. – Ишь, какой молодец.

На развилке жаворонок свернул направо, к Арендовому лесу, и через несколько шагов взмыл в небо. Тут же поднялся высоко- высоко и зазвенел на всю округу свою высокую песню.

– Папа, – говорю я, – это он дорогу нам в Арендовый лес показал. Там, скорее всего, грибные места, а не тут направо, в посадке.

И зашагали мы дальше полем. Под шаг свой солдатский: «Раз, два, три... раз, два, три...» И откуда-то сами взялись слова. И запели мы песню: «Раз, два три... раз, два, три...

Пахнет мёдом, пахнет мятой
Поле луговое,
И шагаем мы, ребята,
Стороной родною».

И так от гречихи за речкой пахло мёдом, пахло мятой с лугов заречных. И пчелы с жужжаньем крутились вокруг, собирая с полевых цветов нектар.

И вдруг огромная чёрная птица летит прямо на нас. А за ней гонится небольшая серая птичья стайка. То – коршун, а это – пичуги. Гонятся птички за коршуном и вдруг все разом на него со всех сторон – только перья летят, только крики, удары клювами, крыльями. Вот вырвался коршун, спасаться бросился – пониже, пониже полетел над полем, чтоб стать незаметным. Однако не тут-

то было. Парящий вверху жаворонок висит под коршуном, оповещая пернатую стайку, и стайка гонится следом, не давая коршуну опомниться, собраться с силами, скрыться.

– Ага, ага, коршун! – кричу я, и папа мне помогает, мы вместе кричим. – Натворил делов, теперь отвечай! Вот так защищают гнёзда, птенцов своих, лес свой и поле...

И коршун, напуганный стайкой, куда-то делся, не было из коршунья теперь никого поблизости. А стайка росла, слетались пичуги со всей округи. А жаворонок висел высоко-высоко и, вдохновляя всех, пел свою песню о солнце, о поле. И мы её пели, как могли, как умели. Слова были те же, что пелись недавно с утра.

Пахнет мёдом, пахнет мятой
Поле луговое,
И шагаем мы, ребята,
Стороной родною.

В лесу щебетали птицы, а в поле шелестели хлеба, качались слегка васильки. На душе было радостно. Отчего? Жаворонок всегда в дозоре у нас в минуту опасности. Певец полей и лета. Ещё и указал нам дорогу на Арендовый лес, откуда мы несём целую сумку грибов.

До самого вечера висел жаворонок над нами, звенел и звенел свою летнюю, переливчатую, высокую песню о Родине.

РАЙСКИЕ ПТИЦЫ

Наш кот Васька слонялся по деревне и охотился на мышей. По дороге из леса я решил зайти к Лене. Кот Васька увидел меня и потянулся следом, нырнул в открытую калитку и вместе со мной вошёл в дом.

В комнате на столбе висела клетка с попугаем. Увидев попугая, Васька весь собрался в комок, подпрыгнул, пытаясь дотянуться до птицы своей когтистой лапой. Но клетка была высоко, Ваське она была не по зубам, сколько он ни тянулся к ней. Почувствовав себя в безопасности, попугай закричал коту Ваське: «Дурррак! Дурррак! Зачем пришёл? Дурррак, дурррак!»

Лена рассмеялась. А кот Васька покрутился, покрутился возле столба и ушёл, обиженный, во двор.

Попугай был небольшой, белый с зелёными крыльями, зелёной головкой и красной полоской вокруг шеи. Это был необычный попугай. Говорящий. Наш кот Васька тоже умеет разговаривать, но по-своему, по-кошачьи. Васька мяукает, но я его понимаю. А попугай говорит, как человек. У него человеческая речь, самые настоящие человеческие слова.

– Кто ж его научил-то? – говорю я Лене. – Да ещё таким обидным словам.

– Не знаю, – отвечает Лена. – Давно так говорит. Попугаи по двести лет живут. У моих подружек в Москве – у кого колибри, у кого канарейка.

– И все говорящие? – спрашиваю я Лену.

– Да ну, нет! – отвечает мне Лена. – Зато канарейки поют – заслушаешься. Райские птицы, с Канарских островов.

– Вот у твоего попугая, Лена, – говорю, – и, правда, райская жизнь. Кормишь его, чистишь клетку, а он у тебя не поёт. Говорит только всякие пакости.

Отправился я от Лены-москвички домой. Иду посёлком, а по

всем садам гремят соловьи. Трёх насчитал: тут – возле Лены, на груше – посреди посёлка, и ещё один в нашем саду. Вот из себя выходят друг перед другом. Двенадцать колен я насчитал, дальше сбился со счёту. Настоящее райское гнездо – наш посёлок! Куда там Африке, туда улетают из наших мест соловьи на зимовку. Там они помалкивают, а тут радуются возвращению. Родина у соловьев тут, а у попугаев там где-то – в Южной Америке, что ли, далековато? Вот попугай и ругается, говорит такие пакостные слова.

Между прочим, за двести лет мог бы научиться говорить не только по-русски, но и по-английски. Не только плохие слова, но и хорошие. Не только говорить, но и петь, как, например, канарейки. А то говорит резко и очень громко. Аж у нашего дома слышен, долетает клёкот попугая с другого края деревни.

Красив попугай опереньем, а соловей с виду вроде невзрачен, зато голос! Десять попугаев не дам за одного соловья.

Сижу дома, а по радио говорят, что на Коренской ярмарке, бывало, в Курском соловьином крае, продавали в клетках не только канареек, но даже и соловьёв. Канареек-то ладно, дело привычное, а вот соловьёв продавать – это что же такое? Канарейка в неволе и размножается, и поёт. А вот соловей петь из Египта сюда прилетает. Он же в клетке помрёт.

Когда я слушаю соловьёв в деревне, мне хватает музыки его – моего собеседника. Я наслаждаюсь всеми двенадцатью коленами пения соловья. Соловьи и есть настоящие райские птицы. И потому места наши самые голосистые, раз живут и поют тут у нас соловьи.

ЛУНЬ, ЗЕЛЕНЫЕ ГЛАЗА

Собрались мы в соседнее село Подбелевец в магазин за хлебом. Километра три, пожалуй, идти. Сначала полем, в лощину спуститься и – на бугор. А на бугре стоит одинокое дерево – груша. А на груше сидит птица большая, седая, смотрит на нас своими огромными глазищами. Оторопь взяла меня, страх какой-то от этого жутковатого взгляда. Что за птица такая – лунь? Совиной породы, самый крупный, крупнее филина.

Огляделись мы по сторонам: слева – ферма пустая, нет коров, ни одной. Справа с бугра вовсю течёт ручей, бурлящий поток, где-то водопровод прорвало. Страшно стало, нехорошо на душе.

«Неужели, – думаю, – пусто нам будет. Зря идём, хлеба в магазине не окажется? А тут кругом птахи, солнце светит, рядом лес с речкой, жизни надо радоваться, а не расстраиваться по всякому поводу».

С таким настроением и возвращались мы обратно к себе на посёлок. И хлеба купили, и редкую птицу увидели. Вспомнились стихи кого-то из классиков:

«...Весь, как лунь седой,
С грудью выпукло широкой,
С длинной бородой».

Вот врезался в память мне этот лунь. Бороды у него не было, но взгляд, как у седого старика, смотрел пристально, завораживал. Какой лупоглазый. Я ощущал его злую, чужую волю над собой. Его зелёные, фосфорические глаза светились странно, отсвечивали небо, окрестности каким-то лунным, фосфорическим блеском.

Мы поужинали и легли спасть. Всю ночь мне снился седой старик, сидящий на дереве. Утром мы встали, позавтракали, но седой

старик во мне не исчезал. Что-то необычное, странное никуда не девалось после встречи с лунем.

Прошло три дня. Опять надо было идти в Подбелевец на почту платить за электричество, радио. На этот раз мы пошли долиной, по Жановой горке. Мы вышли из лесу прямо к почте и магазину. Сделав свои дела, возвращались тем же путем, что и позавчера. Только подходили к груше сзади, с другого края села. И всё раскручивалось в обратном порядке: ферма теперь должны быть справа, а бурлящий поток – слева.

Мы прошли краем вишневого сада, вышли к той же ферме. Только теперь в ней было полно коров, перегнали, скорее всего, с Завалишенской фермы. Слева должен течь бурный поток, но водопровод в Подбелевце, наверное, починили. А вот и одинокая груша, но никакого луня нет на ней, улетел куда-то. Перед нами была деревня Синяевка, а при ней отблескивал в низочке небольшой пруд, в котором плескались гуси и утки.

Мрачное настроение как рукой сняло. Не было в душе уже того непонятного и тревожного чувство, что оставалось от встречи с лунем. Нет ручья, вода не стекает с бугра в лощину. Нет под бугром ни сырости, ни грязи, не надо переходить на тот бок по камешкам. На ферме начиналась дойка коров, и седой, как лунь, старик, скорее всего, заведующий, крутился возле доярок с записной книжкой, записывал, скорее всего, надои.

Конечно, чудеса на свете бывают всякие и не только во сне. Вот мы увидели луня, и страх охватил нас от предчувствия перемен. Но ведь перемены бывают всякие, не покорять нам надо природу, а помогать ей, становиться в природе своим человеком. Вот о чём, оказывается, вещал нам седой лунь своим зелёным, бездонным, фосфорическим взглядом.

ГРАЧИ ГРЕЮТ ЛАПЫ НА АСФАЛЬТЕ

Грачи вьют гнёзда на высоких ракитах у пруда. А летают в поисках корма через наш посёлок наискосок, где в поле к середине лета начинают поспевать хлеба. Поклюют, поклюют грачи там пшенички озимой и опять на пруд к себе возвращаются, чтобы водички попить. Однако, пролетая посёлок, всё видят грачи с высоты своего полёта. Вот и наш огород, где сначала всходят, а потом и растут вовсю огурцы, тоже у них на учёте.

Сядут грачи на высоченную берёзу перед нашими окнами и смотрят на огород. Зазеваешься — всходы огуречные повыдергивают, а огурцы расклюют.

Поставил папа на огороде палки с пакетами, вроде бы пугала, вроде живые люди тут постоянно находятся. А грачи сядут на берёзу и смотрят: так ли это? В самом деле, тут люди или просто пакеты крутятся ветерком, дают вид, что мы на огороде находимся?

Встал папа сегодня с утра пораньше, да и пошёл на огород, посмотреть, не потаскали ль грачи огуречные всходы? Нет, не потаскали. А грачи на берёзе сидят и наблюдают. Взял папа палку, вроде ружьё. Целится и кричит: «Пух, пух! Улетайте, нечего вам тут делать». А грачи не обращают на это никакого внимания. Тогда он стал швырять в них земляные комья. Слетели грачи, оставив на берёзе только дозорных, и присели тут же на асфальтированное шоссе. И сидят там, и сидят, и сидят. Скоро машины пойдут - тяжелогруженные КАМазы, возят мимо посёлка белую девонскую глину. Папа стоит и ждёт, когда же грачи улетят. А они всё не улетают. «Что им мёдом там намазано? – думает папа. – Чего они как прилипли?»

А тут сосед подвернулся. Идет, прихрамывая. Толковый такой, лунь седой этот, заведующий фермой.

– Чего это грачи-то? – спрашивает папа. – Всё сидят и сидят, а я стою и стою. Пойдут машины, подавят их, жалко.

– Хе-хе, хе-хе! – засмеялся сосед. – Да лапы грачи себе греют на асфальте. За день солнце так асфальт нагревает, что и за ночь не успевает остыть. Ночи-то стали тёплые, весна, значит, кончилась, лето пришло.

Грачи сидели и грелись на тёплом асфальте до тех пор, пока не появились машины. Сначала покатились легковые, затем загудели тяжёлые. Поднялись грачи и полетели дальше к себе на пруд, где на ракитах у них гнезда. Грачи летели, переговариваясь между собой, что не удалось поживиться огурцами на грядке, что они ещё прилетят, посидят на перекрёстке, на теплом местечке, ещё погреют на асфальте свои птичьи лапы.

А пруд неподалёку зарос тросняком, ракиты усеяны гнёздами. Целый город грачиный, грачиное царство. Сюда к ним и прилетает попить водички кукушка. В этот пруд впадает ручей с родниковой водой. Это место с ракитами и камышами не так давно приглядели грачи. Они и живут здесь, выводят птенцов, пьют воду после кормёжки в поле или на огороде.

Что ни говори, а грач – хитрая птица. Гораздо умнее вороны. Ворона со своей хитростью живёт в одиночку, всё ждёт, чтобы кто-то с неба послал ей кусочек сыру. А грач сам себе голова, жизнь проходит у него среди людей в трудах и заботах. Грач превосходит по уму и ворону, и сороку, и даже, подумать только, кукушку и воробья.

ГАЛКА ГУЛЯЕТ ПО СПИНЕ КОНЯ

Иду я по берегу речки и вижу, конь стоит, к раките привязан. Хорош конь, прямо загляденье! Серый в яблоках, орловской рысистой породы. Конь что под воду, что под воеводу. Можно запрячь, а можно и под седлом скакать. Знает конь себе цену. Стоит, расседланный, и ногами перебирает.

Залюбовалась галка конём, глядя на него снизу вверх. Что же она всё низочком-то ходит? Взлетела галка на спину расседланного коня. «Я на коне!» – заявила о себе серая галка перед всякими птицами. Грачи, воробьи, сороки только смотрели на галку и каркали, клекотали, чирикали: «Ух, какая ты, цаца! С гонором, важная птица».

Возгордилась серая галка, что она на коне не только перед птицами, но и перед ежами, зайцами и даже передо мной. Ходила с гонором галка по спине коня туда-сюда. То перебирала шерстинки, то выдёргивала их. И коню от удовольствия хорошо-то как. Стоял он, замерев, чуть ли не бил оземь копытом.

А солнце взбиралось всё выше, у речки становилось всё жарче. Похоже, дождь с грозой собирался. Комары, оводы и всякие мошки закружились над берегом и стали липнуть к животу и спине коня, мешать стали галке ходить от хвоста до гривы.

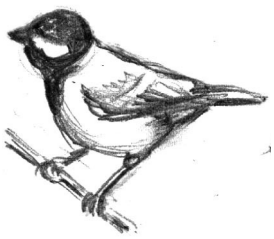
Но вот хозяин свистнул оттуда, с рыбалки, и конь сорвался с места и полетел на зов. Галка едва со спины не упала туда, где всегда ходила низочком. Приподнялась серая галка и огляделась: «И кто тут видел её позор? Кто из птичьей братии осудит её?» Подлетела она к стайке воробьёв и начала, как ни в чём не бывало, искать в земле червяков. А воробьи на неё никакого внимания. Перелетела галка к сороке-белобоке, а та и вовсе отвернулась. Подсела галка к грачу.

– Не сотвори себе кумира! – гаркнул он во всё своё грачиное горло, однако прогонять не стал. – «Пусть собьёт себе гонор».

Поднялся тут шум и гам, трамтарарам. Сорока стрекотала от восторга, разнося по всему лесу, что галка теперь не на коне. Воробьи просто падали с веток от смеха. То-то было птичьего гама на весь лес, на всю речку. Куда деваться серой галке? Слушала она птичий хор и молчала. Но вот птицы поклевали зёрнышки на месте, где стоял конь, и разлетелись в разные стороны. А следом за ними полетела и галка.

ПОЧЕМУ СИНИЧКИ СИНИЕ

Самый главный праздник начала лета – Троица. Все в домах люди украсили зеленью. Прямо с порога тебя встречают берёзовые ветки, развешанные повсюду, под ногами пучки свежей травы. На такое диво прилетели взглянуть птички-синички. Расселись по всему саду, как воробьи расчирикались, ожидая угощенья на садовом столе. Такие все синие, синие.



– Папа! – кричу я. – Смотри, какие гости к нам пожаловали! Синичками называются. Наверное, от посёлка Синяевский.

– Что ты, что ты? – засмеялся папа. – Скорее всего, посёлок наш так называется – от синичек. Смотри, сколько их тут. И зимой, и летом все одним цветом.

– Встречаем гостей! – кричу я. – Угощаем!

И давай разбрасывать хлебные крошки. А синички поклюют, поклюют, перелетят, сядут на край бочки и пьют воду, сколько влезет.

Услыхали, наверное, по радио или, может, по телефону, что тут у нас угощение, и летят синички со всех сторон сюда в наш сад, к нашему столу. Садятся на траву, и птичек столько становится, что их синева сливается с синевой горизонта.

Когда синичка ходит по травке, то она синяя, а когда сидит высоко на ветке, то жёлтая, у неё жёлтое пузочко.

– Видал, какие синички? – говорю я папе. – Они же двуцветные: синие и жёлтые. Вот синичка передо мной: вся синяя, синяя, с тёмно-синей головкой, как небо.

Сели мы дома за праздничным столом. Мама нам с папой сальца подкладывает. «Вы, говорит, у меня мужички. Вам надо больше есть мяса и сала, чтобы силу иметь».

Папа, улыбаясь на её слова, подмигнул мне и говорит:

– Синички сало любят, синичкам сала только давай. Когда я

был пацаном, как ты, сынок, бывало, порежу сало меленько-меленько и синичкам в кормушку положу за окно. Чтобы силу имели, не замерзли в морозы.

– И чтоб празднично было, – говорю я. – Чтоб и зимой они были на ветках перед окном. Чтобы всегда прилетали к нашему дому.

Выглянул я в окно – небо на траве синее-синее, от синичек. Конечно, от них, от синичек, наш посёлок называется Синяевский. А вот по соседству село носит название Подбелевец – от французского слова «бель – красивый», а Синяевский – от слова «синева».

Подцепил я вилкой кусок сала побольше, побежал на кухню, взял нож поострее, порезал сало меленько-меленько и завернул всё это в целлофан.

– Куда это ты убегал? – спросил меня папа, когда я вернулся.

Подошёл я к нему и стал шептать на ухо:

– Сало резал на кухне меленько-меленько.

– А зачем?

– Для синичек. Придёт зима, прилетят синички к нашей кормушке, а там сальце лежит. Порезано меленько-меленько. Зимой птичкам голодно, холодно... Надо птичек кормить...

– И зачем ты шепчешь об этом? – положил папа руку мне на плечо. – Громко говорить надо про это, чтобы все слышали. И делали так же.

– Так, так! – аж подпрыгнул я и захлопал в ладоши. – Будем кормить птичек в голодное время, когда негде найти им ни жучков, ни червячков. Всё ведь будет засыпано снегом.

– Ну, молодец! – засмеялся папа. – Верно, сынок, готовь телегу летом, а сани зимой.

– И всё-таки, всё-таки! – сказал я от души. – Конечно, конечно! Синички синие тут у нас от посёлка Синяевский, а Синяевский – от слова «синева». Вот русские люди! Златоусты, художники слова! И это всё нам от красоты родной природы, от неба и его синевы.

КАК ЦАПЛЯ СЦАПАЛА ЛЯГУШКУ

Цапля летает через наш посёлок на «колыму». Так называется изгиб реки Зуши, с краю которого вешние воды создают на целое лето затон. В его мелководье шныряет в подводной траве рыбёшка, водятся лягушки. Сюда и летает цапля со своего озерца. Лягушек там у неё нет, нечем цапле кормить своих ребятишек.

Туда — белая цапля летит, свободно вытянув свои тонкие длинные ноги. Оттуда — цапля летит, слегка подтянув к себе эти свои длинные красные ноги. Это значит, что она возвращается в гнездо не пустой. Не одна-то лягушка ей попалась на клюв, не одна-то лягушка унесена в клюве на озерцо. Расчётливая хозяйка, хорошая мать.

Пролетала однажды цапля над нашим посёлком. Лягушка билась в её клюве. Слышно было на весь посёлок, как лягушка там, наверху, извивается, как бы разговаривает с цаплей:

— Отпусти меня, отпусти.

А цапля летела и думала:

«Квакай, квакай! А мне веселее лететь. Я несу тебя на озерцо, хочу, чтобы и там водились лягушки. Птенцам моим будет, чем поживиться».

Так цапля и летала через наш посёлок Синяевский. Это был не малый путь, долгий полёт. Сколько удалось изловить ей лягушек и перенести туда к себе, на озерцо, кто знает? По колено в воде цапля ловила лягушек клювом вниз, стоя на своих тонких и длинных ногах, и носила по воздуху эту зелёную живность в своё озерцо.

Каждый раз, пролетая над нашим садом, цапля махала крыльями нам, нашим птичкам — синичкам, нашему дому. И папа сказал мне:

— Смотри, какая культурная птица.

— Удивительная, — ответил я, — домовитая птица.

А цапля словно слышала, что мы говорим о ней, и всё летала, летала туда и обратно над нашим посёлком.

Лес и сады под ней шелестели листвой. Где-то ниже плескалась речка Алёшня. Цапля летела, зорко оглядывая путь прямо перед собой. Не слышны пока хлопки выстрелов, не стреляют охотники, не преграждают путь хищные птицы. Ни ветра, ни дождя, ни града. Что ни говори, а не всякая цапля долетит до середины реки и вернётся с добычей назад. Хорошо, когда в мире природы всё идёт путём. Хорошо, когда птицы летают над нашим посёлком.

ОРЕЛ — ЦАРЬ ПТИЦ

Над посёлком Синяевским высоко-высоко ходил кругами орёл. Он поднимался в широкое небо над степью и озирал оттуда окрестность с холмами и речками, на которых когда-то происходили сражения, творилась история. И опускался пониже, кружился над нашим посёлком. Ему вспоминалось то время, когда никакого посёлка тут ещё не было, а было просто поле на краю косогора, а под косогором, как всегда, текла речка Алёшня, зеленели луга.

Орёл был хозяином этих мест, царём птиц. Все крупные хищники, даже такие, как коршун, ворон и лунь, разлетались кто куда, удирали отсюда, заслышав его царственный клёкот. А всякая мелочь пернатая вообще не входила в круг интересов орла.

Как-то раз мы с папой отправились на рыбалку к устью Алёшни, впадающей в Зушу, и вдруг услышали выстрел. Вернулись мы на посёлок и за околицей, на дороге, под двумя берёзами, увидели огромную рыжую птицу. Приблизились к ней, а это орёл. Тот самый, что вил с утра круги над нашим посёлком. Скорее всего, его подстрелил какой-нибудь браконьер.

Протянул я руку к нему, а он отошёл от меня, прихрамывая, не в силах взлететь. Накрыли мы его простынёй и отнесли в Подбелевец, в среднюю школу. Там ребята найдут, что с ним делать.

— Видите, царь, какой! — опустили мы орла перед сбежавшимися школьниками. — Вот что творят браконьеры.

— Надо отвезти его в Москву, в зоосад, — сказал кто-то из старшеклассников.

— Сначала надо к ветеринарному врачу, — не согласилась с ним третьеклассница. — Пусть окажет ему первую помощь.

— Первую помощь, ребята, мы окажем и сами, — подошёл к ним учитель Иван Николаевич и наклонился к орлу.

Орёл нахохлился, хлопнул крыльями и огляделся вокруг горделиво.

— Царь-птица! — сказали все в один голос. — Но не может взлететь.

— Пойдёмте к директору школы, попросим автобус, чтобы отвезти раненого к ветеринару, — сказал один из учеников.

Всей кучей, сколько нас было, мы повалили к директору, но директор сказал строго:

— Автобус есть, но нет бензина. Где я вам бензин возьму на внеплановую поездку во Мценск?

Ещё один ученик, наверное, семиклассник, повернулся лицом к ребятам, сказал:

— А мой папа - шофёр. Давайте сходим к нему, он нам заправит автобус.

Сходили мы к отцу ученика, тот дал бензин. А другой ученик сказал, что у него в городе есть знакомый ветеринар. Учитель Иван Николаевич сел за руль, и мы повезли раненого орла в город к ветеринару. В ветлечебнице нам сказали, что нужно прооперировать птицу, у неё раздроблено крыло. Оставьте пока тут своего орла, мы им займёмся. Потом, если он сможет летать, мы отпустим его на свободу, а если нет, то везите его в Москву, в зоосад. Сели мы в свой автобус и покатили назад к себе в Подбелевец.

И вот мы с папой возвращались домой в свой посёлок Синяевский, шли просёлочной дорогой через пшеничное поле. И тут увидели, что опять какая-то большая, огромная птица ходит кругами над нашим посёлком. Пролетая над дворами и садами, она то поднималась высоко-высоко, оглядывая окрестности, а то опускалась, летела над самыми крышами.

— Неужто опять орёл? — удивился папа. — Откуда он взялся?

— Как откуда? — обрадовался я такой неожиданной встрече. — Это же наш орёл! Наверное, папа, тот, которого мы отвезли в ветлечебницу.

— И царям, оказывается, нужна помощь, — сказал папа. — Исторически так.

А вчера учитель Иван Николаевич сообщил нам по мобильнику, что, действительно, знакомый ветврач поставил орла на крыло. Значит, наш орёл снова летает, это он снова ходит кругами над широкой степью.

КОРШУН НАД ЖАНОВОЙ ГОРКОЙ

Через лощину от Синяевского посёлка находится Жанова горка, названная так по имени пчеловода-учёного Абрикосова. На горке — Абрикосова пасека, посреди пасеки — старый дуб, весь изъязвлённый пулями ещё в Отечественную войну. Этот дуб давно облюбовал себе коршун, прилетая сюда из Арендового леса. Сидит коршун и смотрит с высоты своей на посёлок. Весь посёлок у него, как на ладони: наседка ходит с цыплятами, цыплята жёлтенькие и тёмненькие, их штук, наверное, сто.

И находится на Жановой горке, на пасеке, будка, а в будке целое лето живёт пчеловод Демьяныч. Колодок у него, наверное, двести. И любит Демьяныч посидеть вечерком возле дуба, попить чайку с медком, поговорить по душам с этим дубом, который, наверняка, помнит Льва Николаевича. Наведывался Толстой сюда, к Абрикосову, по пути в Кочеты к дочери своей Татьяне Сухотиной. Владимир Демьянович из местных жителей, он знавал ещё от своего деда про то, что это место таинственное, толстовское.

Сидит Демьяныч за самоваром, пьёт чаёк, заваренный душицей, и разговаривает с дубом. А коршун сидит на макушке старого дуба и слушает их до самого вечера. Тоже, небось, помнит Толстого с Абрикосовым. До того наработается за день Демьяныч, что как попьёт вечерком чайку с огурцом, так на ночь и падает замертво на топчан, в сон как проваливается. И снится ему, что Толстой рассказывает, как он пишет повесть «Казаки», книжку такую Демьяныч держит на пасеке. А Абрикосов читает ему свои учёные записки по пчеловодству.

— «Ну, что скажешь новенького? — спрашивает во сне Демьяныч коршуна, сидящего на старом дубе. — Про Толстого и Абрикосова?

— Про Толстого сам всё знаешь, — отвечает ему коршун. — Всё описано в книгах. А вот про жизнь Абрикосова никто ничего не зна-

ет, кроме меня. Сад до сих пор при пасеке, видишь, Демьяныч? К осени яблок, бывало, навалом. Позовёт Абрикосов кого-нибудь из окрестных крестьян яблоки собирать, а из яблок варенье варить, повидло. Поработают крестьяне, Абрикосов им столы накрывает под дубом и угощает.

— А деньги? — спрашивает Демьяныч коршуна. — А деньги платил?

— А как же — отвечает коршун Демьянычу.

— А натурой? — спрашивает Демьяныч.

— Одаривал. Сушёными яблоками и свежими, — говорит коршун Демьянычу.

— И что? — допытывается Демьяныч. — Как на это смотрели те крестьяне, кого Абрикосов к себе не позвал?

— Гра...гра...грабёж! — каркнет коршун Демьянычу со старого дуба, и сон на том прекращается».

Проснётся Демьяныч, привстанет на своём топчане и думает, во сне это было у него или наяву? Вблизи от наших культурных традиций или, может быть, вдалеке — тут в обычной сегодняшней обстановке? Уже и не помнит явственно, что приснилось ночью, когда обостряются все ощущения. Выйдет Демьяныч из будки, а коршун тут как тут. Уже над Жановой горкой летает или сидит на макушке старого дуба.

— Кра, кра! — передразнит Владимир Демьяныч коршуна. — Какой ты чуткий, явленье природы. Как можешь ты со своим карканьем забираться в самую душу, живущую заодно с божьими пчёлками. Долгожитель ты, хищник. Как колючий татарник из повести Льва Толстого «Казаки».

ЦЫПЛЯТА ПОД РЕШЕТОМ

Жену свою Нюру Иван зовёт «начальником штаба». Всё, как у хорошей хозяйки, идёт у неё чередом, по порядку. Утро она начинает с того, что доит корову. Молоко только дзинькнет о ведро, а на крыльце одна за другой уже сидят четыре кошки, и каждая ждёт своего. Тётя Нюра только нальёт им в миски парного молока, как Трезорка принимается повизгивать. Предвкушает, что после кошек что-то перепадёт и ему. А два петуха в ярко-огненных перьях во главе своих кур-подхалимок уже вышагивает вдоль двора. Нюра обращает внимание на наседку с цыплятами. Жёлтенькие и темноватые шарики катаются по траве, далеко от наседки не отходят.

Коршун сидит на макушке дуба на пасеке и наблюдает, как хозяйка хлопочет по двору. Едва коршун слетит с дуба и начинает вить круги над посёлком, как наседка тут же распускает крылья, и цыплята ныряют под них. А петух, вытянув голову, истошно кричит, предупреждая всех. Тётя Нюра подбегает к наседке с цыплятами и накрывает их решетом. И коршун улетает прочь. А наседка сбрасывает с себя решето и бежит к остальным курам в курятник. Цыплята катятся следом. Когда коршун появляется опять, тётя Нюра снова загоняет цыплят под решето, грозит коршуну кулаком.

Коршун улетает обратно на пасеку, и куры из курятника выходят во двор. Тётя Нюра снимает с цыплят решето, и они присоединяются к курам, которые, начинают копаться в густой травке — гусятнике. Выходят из курятника и петухи. Кошки идут на огород ловить мышей. Пёс Трезор перестаёт лаять на коршуна. Переполох на посёлке куда-то девается. Спокойно пасётся за огородами лошадь.

На закате тётя Нюра провожает кур с петухами в курятник, отдельно закрывает наседку с цыплятами. Трезор забирается к себе в конуру и лишь иногда лает на шум за рекой, в соседней деревне.

Во дворе становится тихо, спокойно. Тётя Нюра уходит в дом

делать другие дела. Иногда из окна во двор пробивается звук телевизора. Слышится стук подков лошади, идущей за Иваном в сарай.

На другое утро всё опять идёт по порядку, размеренным ходом. Наседка выбирается из-под решета и идёт от цыплят к курам покопаться в кормушке. Снова налетает коршун. Дядя Ваня выскакивает из дому, грозит коршуну ружьём. Тётя Нюра уговаривает его:

— Да, ладно, Иван. Коршун-то не утащил ведь ни одного цыплёнка.

— Пока не утащил, — отвечает Иван.

— И на том ему спасибо, — успокаивает его она, «начальник штаба», хозяйка этого живого дворового мира.

А цыплята под решетом сидят тихо, тихо. Желтоватые и темноватые шарики, они уже кое-что понимают в человеческих отношениях, тайнах крестьянского двора. И коршун, перелетев на Жанову горку, сидит себе на дубе, смотрит сюда, на людей, иронично. Проживи, попробуй столько лет, столько зим. А он живёт, наверно, уже лет полтораста. Из них лет тридцать под Нюриным руководством. Поневоле зауважаешь «начальника штаба».

ЧИЖИК-ПЫЖИК

Утром, когда мы ещё спали, постучали в окошко. Дядя Ваня сказал:

— Вот вам деньги. Пойдёте в Сойминово за хлебом, купите мне бутылочку.

— Что нам стоит дом построить, — подмигнул ему папа. — Нарисуем — будем жить.

Вот уже две недели, как на Сойминовский мост приезжает автолавка. Привозит продукты питания жителям окрестных посёлков и деревень.

Идти сюда вдвое ближе, чем в Подбелевец. Пошли мы не верхней полевой дорогой, а нижней — вдоль Алёшни. Слева — речка, справа — смешанный лес. И вот слетела откуда-то с дерева птичка и села на пень перед нами. И стал я гадать вслух: откуда она слетела - с ёлки или берёзы? И что это за птица такая, как она называется?

— Чиж это, — сказал папа уверенно. — Чижей знаю с детства. Вишь какой? Пузочко жёлтое, крылья и спинка позеленее, головка чёрная, с белой полоской.

— А чем она питается? — поинтересовался я опять-таки вслух.

— Семенами, почками, — ответил папа. — Ну, и всякими насекомыми.

Мы подошли совсем близко, чиж не боялся нас, не улетал. Но на всякий случай вспорхнул и тут же сел на ближнюю ветку. Смотрел на нас с любопытством. Я отломил ему пряничка и положил на пенёк. И мы пошли дальше своей дорогой на Сойминово, на Сойминовский мост. И я стал читать стихи про чижика-пыжика, которые знал наизусть от папы.

— Чижик-пыжик, где ты был?

За рекою водку пил.

И папа засмеялся, подхватил тут же:

— Выпил рюмку, выпил две,

Зашумело в голове.

И так до самого Сойминово мы с папой пели, рассуждали про чижей, говорили о чижике-пыжике, который живёт у нас тут под боком, а не где-нибудь на Юге или даже в Америке.

В Сойминово мы купили, что нам было надо, не забыли дяде Ване бутылочку и отправились обратно той же дорогой. Начался ветерок, липы зашумели листвой, а клёны слева по бугру слегка закачались. Но было, скорее, тепло, чем холодно. Впереди нас ожидала встреча с пенёчком, на котором мы видели чижика.

От моста Алёшня стала расширяться. А дальше, изгибаясь, шла дугой в сторону леса — получался широкий луг, по нему и бежала наша стёжка-дорожка, которая вела нас вперёд. К тому самому месту, где мы встретили чижика. А вот и пенёк. Но на нём уже ни чижа и ни пряника, которым мы с чижом поделились. Чижик-пыжик! Пригодился тебе мой пряник. Хорошо мне, когда тебе хорошо. И я запел:

— У дороги чижик, у дороги чижик,

Он кричит, волнуется, чудак.

Ах, скажите, чьи вы? Ах, скажите, чьи вы?

И зачем, зачем идёте вы сюда?

И на песенку эту слетел откуда-то с ветки этот самый чудак. И опять я стал гадать: откуда слетел он — с ёлки или берёзы?

Из земли рядом бил родник с чистой ключевой водой. Я снял фуражку и зачерпнул водицы прямо из родника. Вот вкусна, замечательна!

— Водичку-то какую пьёт чижик, — сказал папа. — Не то, что дядя Ваня из этой бутылки.

— И я буду ходить с бидоном сюда, — ответил я папе. — И мы будем пить воду из родника.

— Ключевую пить будем, —подтвердил папа. — Из ключа, которым земля открывается.

— За чем ходим мы тут, этой дорогой? — сказал я папе. — За хлебом?

— Зачем? — засмеялся папа. — Да просто так! Будем всегда ходить сюда, к птицам. Птицы наши друзья и товарищи. Мы ответственны за тех, кого приручаем.

Видите, на пенёчке нет ни крошечки пряника. «А чего чижику нас бояться? Мы возьмём и положим чижику белого хлеба». Взял я и отломил кусок булки, купленной в Сойминово, и положил на пенёк. А папа отломил кусок чёрного хлеба и тоже положил на пенёк. И так у нас стало светло на душе. И не только от солнца. Солнце светит всегда, когда мы делимся с птицами самым насущным. Тогда мир природы доверяет нам, как самому себе.

Мы шли домой, поднимались в гору лесной тропинкой и пели про чижика-пыжика, про чибиса и про других всяких птиц. Пели мы с папой хорошую песню:

— У дороги чибис, у дороги чибис,
Он кричит, волнуется, чудак.
Ах, скажите, чьи вы? Ах, скажите, чьи вы?
И зачем, зачем приехали сюда?

ЖУРАВЛИНЫЙ КЛИН

За вечерним чаем мы вели беседу обо всём понемногу. И тут сквозь шелестение яблонь в распахнутое окно послышались печальные звуки. Они долетали до нас из-за Абрикосовой горки.

— Это журавли, — обеспокоился папа.— Это клин журавлиный.

— Осень уже, — сказала невесело мама. — Скоро уезжать в город, покидать эти места.

Звуки приближались, вот они уже и над нами, над нашим посёлком.

Мы с папой выскочили из дому и что есть духу побежали к двум одиноким берёзам в конце огорода. Небо тут было высокое, широкое во все стороны. Как раз над посёлком пролетал журавлиный клин, проносил свою грустную, очень грустную, даже печальную песню. Клин, как всегда, вёл вожак. За ним, вытягиваясь в две струны, несли печаль свою, покидая нас, журавли. Обычно их бывает до полусотни. А сейчас я посчитал их, за вожаком было... раз, два, три... семь... ну, может быть, восемь... Слёзы на глаза навернулись, хотелось плакать.

— Папа, — сказал я дрогнувшим голосом. — Почему их так мало? Всегда садились много у нас, на «колыме».

—Перелётные птицы, — сказал папа невесело. — Когда летят через Чёрное море, они садятся даже на палубу корабля.

— А тут пролетают без отдыха, — сказал я.

— Край наш — затерянный мир, — вздохнул папа, глядя на журавлей. — Всё у нас, людей, как у журавлей. А у журавлей, как у нас. Скоро журавли будут облетать наши места.

— Они не хотят видеть, как всё тут у нас получается?

- Да, три двора — пять проблем. Три двора исчезли, в пяти живут по одному. Прилепы на ладан дышат. Красные Рябинки, что за Высоким, только в памяти держатся.

— Помнишь, папа, как мы ездили сюда в набитом, как селёдкой, автобусе?

— Свобода везде и во всём, — закончил папа тем, о чём я подумал.

Пригладив ладонью траву, мы сели на неё, оперлись спиной о стволы двух одиноких берёз и долго смотрели на село Высокое прямо перед собой. Туда как раз поднимался в гору автобус. Единственный рейс в неделю, где недавно ходили по несколько раз в день.

Вот какие думы наводил на нас клин журавлиный со своими уносимыми ветром криками.

СНЕГИРИ НА СНЕГУ

Слетели сверху откуда-то к нам во двор птицы. Сели на траву, и зеленое сразу сделалось красным. Как будто скатерть расстелена, скатерть волшебная - самобранка.

— Это снегири, — сказал папа. — Помню их ещё с детства.

— Снегири? — удивился я. — Какие яркие, праздничные! Грудь колесом — красная, а крылья - тёмные. Хвост розовый, с тёмной полоской посередине.

— Зимняя птица, — сказала мама. — Пора, значит, в город нам собираться.

— Снегири, — радовался папа этому празднику во дворе. — Снегири как на снегу, красное на белом! Когда я был мальчишкой, ребята постарше так, бывало, ловили их. Поставят ящик на палку, а к палке шнурок привяжут. А под ящик хлебных крошек насыплют. Снегирь нырнет за крошками, Толик Лавушкин дёрг за шнурок, и ящик захлопнется, снегирь в западне. Бери голыми руками снегиря и в клетку. Да и тащи на базар или отдавай, кому хочешь.

А через часок заявляется к нам дядя Ваня. В руках у него клетка, а в клетке снегирь.

— Вот тебе, — вручает он мне снегиря. — Это тебе за бутылочку, что ты принес мне из Сойминово.

И поставил клетку на стол. В клетке, нахохлившись, сидел одиноко снегирь.

— Да, братец ты мой, — сказал папа грустно. — Снегирь есть снегирь. Снегирь на снегу. Это тебе не канарейка с Канарских островов, не попугай из Америки. Те поют, размножаться могут в клетке. А снегирь — птица лесная, вольная.

— Скучать будет по лесу, — сказал и я, погрустнев. — Кто знает, ещё и помрёт в клетке.

— Лесная птица должна жить в лесу, — сказала мама.

Взял в ладони я крошек побольше и швырнул снегирям на траву.

— Клюйте, клюйте, ребята! — улыбнулся я стайке. — Мы все тут свои.

А потом взял и тихонько потрогал клетку со снегирём, принесённую мне дядей Ваней. Открыл дверцу и выпустил снегиря. Лесная, свободная, вольная птица! Ты, живи, где хочешь, клетка тебе не нужна.

На другой день весёлый красногрудый снегирь опять прилетел к нам во двор.

СВИРИСТЕЛИ

Вот и осень. С нашей дачи мы переехали в город. С середины октября начались затяжные дожди. После лёгкого морозца пошёл снег, и в комнате стало светлее. И вспомнилось мне светлое лето в деревне. Солнце и птицы в Синяевском: белая длинноногая цапля, лунь с зелеными глазами, синички синие, журавлиные песни...

— Нет, папа, — сказал я, отложив в сторону учебник,— всё-таки лето лучше.

— Ой, смотрите, смотрите! — позвала нас мама к телевизору. — Какая передача интересная.

Прильнули мы к телевизору. Рассказывали и показывали, как на окраине Питера дети увидели птиц, валявшихся на асфальте. Пособирали они этих птиц и побежали в зоопарк к специалисту: чудные какие-то птицы. Поставил специалист одного-двух-трёх на ноги, а они на ногах не стоят, набок валятся.

— Да они же пьяные. Где же они нализались?

— Не нализались, — сказали ребята, — а наклевались. Птицы не лижут, а клюют.

— Ну, наклевались, — поправил сам себя специалист. — А чего они наклевались? Это свиристели. Видите, на голове хохолок, на конце хвоста чёрная поперечная полоса, зубец небольшой над клювом. Ну да, это свиристели обыкновенные. Ну, и чего же они наклевались? Свиристели ягоды клюют. Что у вас там, какие деревья? Рябины есть?

— Есть, есть! — закричали ребята. — Целая аллея рябин.

— Всё ясно, — сделал заключение специалист. — Очень долго стоит тёплая осень, и кисти рябин забродили. Сок в ягодах забродил. А много ли птице надо? Клюнул раз, клюнул два и — набок.

Выпил рюмку, выпил две —

-Зашумело в голове! — во всё горло запел я ту саму песню, с

которой летом мы возвращались в Синяевский с сойминовской автолавки и несли дяде Ване бутылочку.

Передача закончилась, но свиристели не выходят у меня из головы.

Проснулся я наутро, в школу надо идти. Глянул в окно, а внизу за окном четвёртого этажа и у нас тут рябина краснеет, как в Питере. Вот такие кисти — огромные. Говорят, если урожай на рябине, быть зиме холодной. Стоит, покачивается рябина под тяжелыми ветками, а под рябиной яркие, красно-жёлтые ягоды на молодом белом снегу.

Но никто не налетал на нашу рябину, не садился на её виснущие ветки, не клевал подмерзшие ягоды. Разве что воробьи садились на нашу рябину, да и то ещё в прошлом году. Никто из них не валился на асфальт, нажевавшись жёлто-красных ягод рябины. Другая осень была. Да и воробьи не свиристели.

— Свиристели, свиристели,

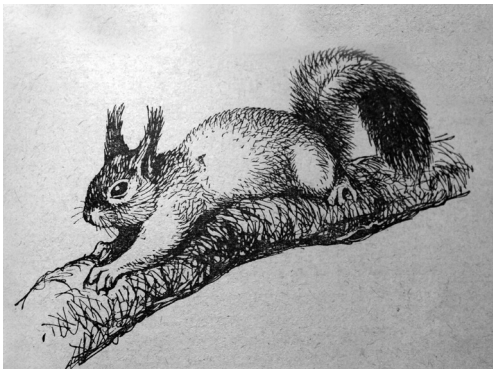
Всю рябину просвистели, — стал я складывать слово к слову, как ягодку к ягодке, чтобы кисть получилась покрупнее, поярче.

Да и опоздал в школу из-за этой телепередачи про питерских свиристелей и про нашу рябину под окном четвёртого этажа.

Каждый день теперь по несколько раз я нет-нет да и гляну за окно на рябину. Не прилетели ль к нам сюда свиристели из Питера? Урожай у нас на рябине отменный, есть чем тут им заняться. Но нет, не летят они к нам из Питера. Там же море, там климат мягче, там Васильевский остров и Зимний дворец. А тут у нас морозы. Как и в прошлом году, воробьи опять налетят и без всякой боязни будут клевать эти гроздья. Осень и у нас тёплая, но, к сожалению, свиристели водятся только на севере, в Питере.

Утром я по привычке глянул в окно и увидел на рябине ярких хохлатых птиц - свиристелей.

- Они прилетели! – обрадовался я. – Смотрите, какие красивые звуки! Свистят свиристели.



Белка – не бракоделка

НАШИ БРАТЬЯ МЕНЬШИЕ

И зверьё, как наших братьев меньших,
Никогда не бил по голове.

С. А. Есенин

Косуля, какие у неё большие уши!

БЕЛКА НЕ БРАКОДЕЛКА

На другой год мы опять приехали на свою дачу, в посёлок Синяевский. И опять же дело к осени, когда можно ходить по грибы, по орехи. И вот как-то раз мы отправились в перелесок Осинки. Там обычно водятся грибы под названием лисички.

Походили, походили мы по осиннику. Сумрачны, хмуроваты осинки без ярко-жёлтых лисичек. А как только эти лисички вылезут из-под земли, так по всему перелеску и разбросается пятнами солнечный свет. Так ничего и не попалось нам в этих осинках.

— Перейдём, что ли, в лес-крупняк, — призадумался папа. — Там белые грибы растут.

Перешли мы суходолом в крупный дубовый лес. Дубы по берегу высятся -- огромные, ровные. И развесистые, если от всех отдельно стоят, в одиночку. А с самого низу по лощине душица цветет, травка такая, ею мы чай завариваем. Весь корень с самого нижнего дуба собой заплела. А корень-то необычный, как сук понизу, по самой земле стелется. Бревнистый, толстенный. Всегда тут стоим и смотрим на этот корень, упирающийся в камень, как бы выперший из-под земли на вешней протоке. Постоим – постоим, посмотрим, посмотрим и только после того входим в крупный лес, где белые грибы попадаются. Словно спрашиваем у этого дуба разрешения на удачу.

И тут же слева от крупного дубового леса зеленеет орешник. В прошлом году мы орехов тут набирали стаканов по двести.

— Не надо в Подбелевце болтать, куда вы ходите по орехи и сколько орехов набираете, — говорила нам мама. — Белки жили тут давно, ещё до посёлка, и им вполне хватало и грибов, и орехов. Белка не бракоделка, это вы ходите в Беличий орешник и лишаете её всего, да ещё и водите за собой всяких.

Дай, думаем, на этот раз заглянем домой к белке. В том году мы видели у белкиного дупла сушёные грибы и орехи. А как там

сейчас? Зашли мы в орешник и ахнули: самые крупные лещины срублены и валяются на земле. Расстроились, конечно. Пришли домой и рассказываем. Мама и говорит:

— Ну вот! Доболтались своим языком. Белок голодными оставляете на зиму.

— Кто же это орешник испортил?— сокрушаемся мы с папой. — Кому это мы путь туда показали?

Мама ведёт нас на улицу к молодому, приподнявшемуся из-за сирени ореховому кусту.

— Года два-три тому видела белку в лесочке, что напротив нас, - говорит мама. - Рыжая, с пушистым хвостом, всё летала по веткам. Я тогда не придала этому никакого значения. Оказывается, она посадила нам этот ореховый куст. Чтобы вы к ней туда не ходили.

— А почему она рыжая, а называется белкой? — спросил я.

— Летом она рыжая, — ответил папа. — А зимой становится белой.

И теперь мы не собираемся ходить к ней в орешник. Ни за орехами, ни за грибами. Будем ходить теперь в Байдин лес за орехами. А за грибами будем ходить с папой во всякие другие места, например, за лисичками — на ту сторону речки вдоль Проказинского лесочка. А за маслятами отправимся куда подальше — в сосновые посадки, что за Сойминовским мостом. Подберёзовики появились в березняке по дороге в Прилепы. С утра пошёл — ведро набрал. А опят с осени прямо от порога набирай хоть мешок.

Вчера мы нашли целое семейство шампиньонов в конце огорода, под двумя высокими большими березами и пятью молодыми березками. Шампиньоны тугие, крепкие, аж звенят. И вот встретился нам белый гриб — всем грибам полковник. Под коричневой шляпкой и на белой ноге. И подумали мы, что все это неспроста: мы помогли белке, а белка теперь нам помогает. Главное — мы стали своими тут в мире природы, в синяевских ни с чем несравнимых местах.

МОЙ ДРУГ ЕЖИК

Дело было опять же в Синяевском. Лето заканчивалось, однако я ночевал пока ещё в старом сарае на диване, выброшенном Бог знает кем и когда. Не сомкнув глаз, я лежал, глядел в приоткрытую дверь. Темнотища вокруг, но мне не было страшно. Часа через два где-то внизу, под диваном, из-под земли послышался шорох. Я насторожился. Шорох повторился. «Что это происходит? — подумал я.— Чудится мне или всё это наяву?» Всю ночь я провел в гаданьях: «Что же всё-таки это? Мыши? Крысы? Тролли какие-нибудь, колдуны?»

Едва рассвело, я тут же схватился с постели, заскочил за угол сарая и во все глаза впился в землю. Дыра какая-то круглая, дырища. Я уже видел такое однажды и догадался: «Это ёжик!»

Вечером ёжик вышел из норы и, отфыркнувшись, двигался от калитки сюда, к крыльцу. Видно, выбрался на кормёжку. Он топал по тропе при луне, неся на себе свой полукруглый шар из иголок, на которых искрилась луна. Затем свернул направо, в сад, и иголки погасли.

Так состоялось моё знакомство с ёжиком. Он стал моим другом уже через неделю. Я крошил ему хлеба, наливал молока в консервную банку. Ежик настолько привык к моему угощению, что едва наступали сумерки, как он уже тут как тут у крыльца. Спокойно ест и пьёт, не обращая на меня никакого внимания.

На ночь я опять уходил в сарай и лежал на диване без движения. Как только слышался шорох в земле, откуда-то из-под дивана, я начинал разговаривать с ёжиком.

— Послушай, ёжик, ты тоже не спишь? Хочешь, я расскажу, что я делал сегодня? Мы ходили на Сойминовский мост к автолавке, купили, как всегда, хлеба, пряников, а ещё пшена. Поспела тыква, и мама собирается завтра варить пшённую кашу. Говорит, очень вкусно с тыквой на молоке. Приходи, я тебя угощу.

— Погуще только сварите, — как мне кажется, говорит мне снизу откуда-то ёж. — Мы, ежи, любим густую кашу.

— Хорошо, — отвечаю я ему, — скажу маме, пусть сварит погуще.

— Конечно, погуще, — подает голос ёжик довольный.

— А ещё, — говорю я ежу, — вот что было со мной сегодня. Приходили ко мне соседские ребята за книжками. Что-нибудь взять почитать, я же тут у них за библиотекаря. Ребята любят читать про войну, дал я им книжку про индейцев из Фенимора Купера. А девочки пришли — Лена и Катя, так тем давай «Капитанскую дочку» из Пушкина.

И слышится мне, ёжик вроде бы говорит:

— А про ежей у тебя что-нибудь есть?

— Про ежей, — говорю я, — к сожалению, нет. Пишут писатели. Но есть про природу, например, Сетона-Томпсона, Пришвина.

Еж спокойно выслушивал всё это и умолкал, скорее всего, уходил в сад, на ночную охоту. И мне засыпалось спокойнее.

На другой день я пришел в сарай свой, едва наступили сумерки. Говорю ёжику:

— Про ежей у меня книжек нет, а вот историю про ёжика могу тебе рассказать. Послушай. Был я года два назад у моей бабушки Марии — папиной мамы. Она живёт в небольшом городке, есть у неё небольшой домик, и при нём огород с садом, закрытый со всех сторон железной сеткой. Как говорится, сквозь неё ни пройти, ни проехать. И жил у неё на усадьбе тоже ёжик. Большой любитель свободы. Взял он и подкопался под железную сетку. Нору сделал себе: тут вошёл, а там вышел. И оказался ёж на дороге. Когда ежи ходят по дорогам — ночью. Ехала машина и задавила ёжика. Так жалко. И ты, ёж, как выйдешь из норы своей ночью, гляди, будь осторожнее. Не выходи на дорогу. Берегись автомобиля.

А однажды к вечеру ёж пришел к нашему крыльцу с двумя маленькими ежатами. Оказалось, это не ёж, а ежиха.

И вот опять я на своем диване лежу и разговариваю теперь с мамой-ежихой. Ночи уже скоро прийти, а я всё разговариваю и разговариваю с ежихой. Вот ежиха мне и говорит:

— Ты кто — «жаворонок или «сова»? Ночью никак не уснёшь. А я днём сплю, а ночью выхожу на охоту. Когда-нибудь выйди и погляди, как я учу своих ежат ходить по саду, по лугу и по кустам. Как всю ночь шуршим мы сухими листьями и травой. Птицы тихо спят на деревьях, только и звуков, что яблоки падают да где-то гром погромыхивает. Дождь будет, я своих ежат дома оставляю, боюсь, простудятся.

Ежиха вылезла из норы и ушла, а мне всё не спится. Всё прислушиваюсь я к ежатам, как они там одни без ежихи. Дрожат, скорее всего, подрагивают всем своим маленьким тельцем под большими иголками. Ну, и начал я им, как детям, сказки рассказывать. Рассказываю, рассказываю, рассказал целую серию. Готов, сколько угодно рассказывать, хоть тысячу и одну ночь, а хоть две тысячи. Пока не вернётся к ним их родная мама-ежиха.

И наш кот Васька ходил ночью по саду и по-дружески смотрел на ежиху с ежатами. И даже прохаживался с ними по дорожке от калитки к двери дома и к двери забора. А потом шёл к сетке, протянутой вдоль сада, к зарослям боярышника и кустам смородины, к вишням в конце сада.

Потом ежовое семейство подходило к колонке, цветам, в ту часть сада, где у них была нора, а Васька отправлялся охотиться на мышей один, чувствуя себя хозяином этих владений. Он шёл к мышиным норам и совсем не думал о том, что кто-нибудь помешает его охоте на лугу. В поле и лес он не ходил, знал, что там водятся дикие, хищные звери, не стоит покидать свой сад. Особенно ночью. Чутьё подсказывало ему, что безопасней быть ночью и днём у себя возле дома, во дворе и в саду. Ежи тоже не уходили из сада. Это были и их владения, как и Васькины, с Васькой они дружили и дружат.

ИГРА В КОШКИ — МЫШКИ

Дело шло к концу лета. Сначала мы уехали в город, а через какое-то время мы с папой одни, без мамы, вернулись в Синяевский. Едва открыли дверь, как в нос шибануло спёртым мышиным запахом.

— Гляди, папа, кто был тут! Вот и вот помёт мышиный — на столе, на лавке, даже на холодильнике.

—Еду нечаянно им оставили, — сказал удручённо папа. — Хорошо, что мама не видит.

—Зёрнышки от синичек, — показал я целлофановый пакетик.

Папа ушёл по делам, я в доме остался один. И тут в большой комнате я увидел мышку. Сидит она на полу посреди коврика и смотрит на меня с любопытством. Мигом я стянул с ноги тапку и, что есть силы, запустил её в мышку. Мышь юркнула в дырку между полом и плинтусом и тут же вынырнула из другой дырки. Сидит и опять смотрит на меня, как мне показалось, теперь уж насмешливо.

Сдёрнул я с ноги правую тапку и с силой опять швырнул её в мышку. Мышка исчезла, а через мгновенье вынырнула из третьей дырки. И также уставилась в меня бусинками своих глаз, как мне показалось, ещё более насмешливо.

Подобрал я свою первую тапку и опять, что есть духу, швырнул её в мышку. И началась у нас игра в кошки-мышки. Я швыряю тапкой, а мышка ныряет в одну дырку, а в другую тут же выскакивает и смеётся, играет со мной в кошки-мышки.

Весело стало нам обоим, хохочу я, от смеха едва не падаю.

— А ну-ну! — кричу я, когда она в подполье там у себя чуть задержится. — Выходи, выходи! Я жду тебя! Выходи, мышка!

Мышки, оказывается, не умариваются, когда играют в такие игры, а я уморился. Взял и пошёл во двор. Зашёл за дом и что вижу? Сидят на огороде спиной ко мне все четыре тёти Нюриных кошки.

Каждая караулит свою добычу у своей дырки мышиной.

Приходил папа и опять ушёл по делам. А я сидел у окошка и от нечего делать ел яблоко. И внимание моё привлекло что-то слева от подвала, напротив окна. Ах, опять эта самая мышка. Ну да, она, эта серая мышка. И что она делает? А собой занята, на этот раз не замечает меня. Ну, и что же, а мы за ней понаблюдаем. Интересно бывает, когда мышки не знают, что мы наблюдаем за ними.

Вот эта самая мышка выныривает из-за лопуха, и в зубах у неё сухая травинка. Посидела, посидела, поправила сухую травинку в зубах и направилась в сторону подвала. Тащит её упорно через всякие препятствия из земляных комьев, сухого валежника, взбирается на подвал вверх по земляному валу. Ага, вижу, вижу: тут у неё дырка! Юрк мышка туда и сухую травинку за собой утащила. Скорее всего, там у неё гнездо. Детки малые, мышата. Гнездо им она там устраивает. Дело к осени, скоро зима, гнездо надо сделать потеплее, уютнее. Ух, какая мышка! Заботливая хозяйка!

Сижу я и жду: когда она выйдет? Вынырнула мышка из норки. Оглядывается вокруг, никто не видит, куда она свою сухую травинку притащила? Меня не замечает, я сижу в окне за стеклом.

Убедилась мышка, что никто не видит её, и побежала опять туда, за лопух. И опять оттуда показывается с сухой травинкой в зубах и опять бежит с ней на земляной вал подвала, опять нырь в свою дырку. Бегает мышка туда-сюда, туда — с сухой травинкой, оттуда — без ничего.

Всё носит и носит мышка сухие травинки в своё гнездо. И стал я считать: сколько раз она пробежала туда и обратно? Десять, двадцать, пятьдесят, семьдесят, девяносто, сто двадцать... Насчитал до ста пятидесяти и уморился считать, сколько же можно туда-сюда бегать?

А потом призадумался и говорю сам себе: «Какая труженица! Маленькая, а сколько сил».

Мышка всё носит свои былинки в гнездо, никак не уморится, а я уморился. Выхожу из дома, иду за двор, а по лугу, в конце ого-

рода, всё те же четыре тёти Нюриных кошки. Сидят каждая над своей дыркой. «Тоже своя игра у них, — подумал я и засмеялся. — Сидите, сидите, кошки, а мышки хитрее вас».

Конечно, и там, за дырками, возле которых сидят тёти Нюрины кошки, тоже есть гнёзда и тоже есть мыши. Но кошки караулят их, а мышки сидят и не выходят. Такая игра: кто кого перетерпит, кто кого перехитрит? Кошки знают, что какая-нибудь мышка не выдержит, выскочит из норы и тогда хвать за шкирку её и тащи как воришку в полицейский участок.

День подходил к концу, а кошки всё сидели на огороде возле мышиных гнёзд. И я вернулся во двор. Мышка уже не бегала с сухой травинкой в зубах. Наверно, не умела считать до тыщи. Вон сколько всяких травинок у нас во дворе в виде сора. Я взял метлу и стал подметать. Налил в вёдра воды из колонки, вскипятил чайник, чтобы, когда папа придёт, дома всё у нас было в порядке.

Птицы ещё пели в саду, но всё тише и тише. Небо едва было окрашено закатившимся солнцем. Смеркалось. Тёмные силуэты кошек выделялись на розовом горизонте. Кошки всё сидели и сидели, они охотятся ведь и ночью, видят ночью так же, как и днём. И мышкам это известно. Кошки играют в свою игру всю ночь и весь день. Люди знают эту игру и называют её игрой в кошки-мышки.

КРИКИ КОСУЛИ

За два-три дня до Покрова мы с папой решили ещё раз съездить на дачу, в посёлок Синяевский. Посмотреть, всё ли там в порядке. Побывали, посмотрели, зашли проведать наших друзей — дядю Ваню и тётю Нюру. Посидели у них, поговорили по душам и собрались уезжать, а они нам и говорят:

— Оставайтесь-ка, дорогие. Куда ехать, уж поздно. Переночуйте у нас.

Мы и остались. Всё сидим, разговариваем. И тут стало мне что-то не по себе. Вроде слышу где-то какие-то крики. Выхожу за порог — в самом деле, крики. Жалобные такие, печальные, похоже на детский плач. Вот кричит, вот плачет кто-то, душу из тебя вынимает. Тётя Нюра как раз шла корову доить, приостановилась и говорит:

— Это косуля. Где-то в устье, где Алёшня впадает в Зушу. Это она там кричит, надрывается.

«Что бы это значило?» — подумал я.

Уходя, тётя Нюра махнула рукой в сторону устья:

— Волк на днях выл там. Как завоет, завоет. Может, волк косулю гоняет?

Вернулись мы в дом. Парным молоком угостила нас тётя Нюра. А у меня всякое настроение пропало. То ли косулю жалко. то ли ещё отчего. В уголке под иконой лампадка горит.

— Какая это икона? — спрашиваю я тётю Нюру.

— Казанской божией матери, — отвечает мне тётя Нюра. — Скоро Покров — наш престольный праздник. Казанская — покровительница Руси. Что-то, видать, не к добру кричит эта косуля. Надо свечку поставить за здравие, чтобы было всё у всех хорошо.

Зажгла тётя Нюра свечу и пристроила её к лампадке. Досмотрели мы программу «Время» по телевизору и стали спать собираться. Тётя Нюра с дядей Ваней ушли в другую комнату, а нам с

папой уступили диван. Постелила тётя Нюра свежую простыню, на подушку надела новую наволочку.

– Спокойной ночи, —пожелала нам она, уходя в другую комнату.

А мне не спится. Выхожу на улицу, а косуля кричит, плачет, словно жалуется кому-то, что-то хочет сказать. А кругом темно, глубокая ночь. Вернулся в дом я, прошёл к своей постели на цыпочках, чтобы никого не будить. Тётя Нюра из другой комнаты подала голос:

— Спи, сынок. Не волнуйся. Утро вечера мудренее.

А не спится мне, да и только. Всё косулины крики слышатся, но уже не от устья, где Алёшня впадает в Зушу, а тут где-то ближе к нам, к посёлку Синяевскому. Так всю ночь и провёл я не то во сне, не то в полусне. Всё мне кошмары какие-то виделись.

Посветлело окошко, значит, утро уже, пора и вставать. Тётя Нюра звякнула на кухне подойником. И тут постучали в дверь. Кто бы это в такую рань да ещё тут, в отдалённом посёлке? Вижу, дядя Ваня потянулся к охотничьему ружью.

— Совсем одичаешь тут за зиму, — изменилась в лице тётя Нюра.

Оказалось, это почтальон из Подбелевца. Привёз телеграмму. Делал круг по деревням и посёлкам, первым Синяевский был у него на пути. С него и начал, чтобы управиться до полудня и успеть к скоростной электричке в Москву.

— Живёте тут у чертей на куличках, — упрекнул он тётю Нюру с дядей Ваней.

— Добрые люди не в Москву, а сюда на Покров едут, — сказала тётя Нюра, принимая от него телеграмму. — А ну, что тут в ней написано? На-ка, Ванюша, посмотри.

— Без очков не вижу, — сказал дядя Ваня.

Тогда я взял у него телеграмму и без всяких очков прочитал:

— «Посёлок Синяевский, бабушке Нюре и дедушке Ване, Ивану Андреевичу. У меня родился сынок. Пока ещё никак не назвали. Ваша внучка Лена».

— Ого! — так и присели тётя Нюра с дядей Ваней на лавку. — Человек родился.

— То-то косуля кричала, — сказал дядя Ваня. — Оказалось, к добру.

— Это я свечку поставила. За здра-ви-е, — облегчённо вздохнула тётя Нюра. — Всё за Леночку беспокоилась.

— А пока никак не назвали, — сказал я, очень даже повеселев. «Значит, косуля кричала к добру. Детским голосом кричала оттуда от устья, где Алёшня впадает в Зушу, а потом кричала и возле посёлка. И волк тут не причём».

— Так что посоветуем, как назвать сына у Леночки? — глядя в корень, сказала тётя Нюра, недаром в округе её считают «начальником штаба». — А посоветуем назвать, как и деда, — Иваном. Вот, — сказала тётя Нюра почтальону, пока тот ещё не уехал. — Отбей-ка Леночке телеграмму такого содержания: «Лена, поздравляем тебя с сыночком. Назови его именем деда — Иваном».

На автобусную остановку у Косарёвки мы с папой летели, как на крыльях. Вот, оказывается, о чём кричала косуля. И детский плач её не плач был, а голос откуда-то. Такое событие, такой знак природы.

И всё на посёлке в порядке, все так же, как и всегда. Только теперь на то лето будет в Синяевском на одного дачника больше.

ЗАЯЦ ПИШЕТ, А ЛИСА ЧИТАЕТ

В последний раз в этом году мы поехали на дачу не в конце октября,а в начале зимы. Дорога на Синяевский была уж вся в белом. В белом, белом снегу. И Синяевский был белый-белый. И огород наш белый. И тут под берёзами мы увидели заячью лёжку. Примятый снег и за ним следы. Заячьи и возле чьи-то ещё, наверно, собачьи. А, скорее всего, лисьи.

И вся картина у нас с папой, как на ладони. Увидел заяц лису и пустился бежать в белое, чистое поле. А лиса за ним, вот-вот настигнет, схватит за пятки. Зайцы - трусливый народ. Поддаёт и поддаёт заяц ходу, лиса тявкнет от злости и давай за ним гнаться.

У зайцев всё несоразмерно: не только уши длинные, но и задние ноги длиннее передних. Причём правая задняя толще и сильнее левой. И, когда заяц разгонится где-нибудь в поле, у него получается круг. Гонит заяц и гонит, уж не помнит себя, сколько кругов он сделал и ещё может сделать по ровному белому снегу.

Зимой заяц пытается слиться со снегом в своей белой одёжке. Труслив заяц, но и хитёр, а лисица ещё хитрее, да не совсем. Шуба у неё ярко-жёлтая, со снегом никак не сливается.

Конечно, коварная лиса сразу поймала бы зайца. Но вот что проявляется в решительный момент у трусливого зайца. Сделает заяц круг и на второй пошёл — чешет и чешет вперёд, у страха глаза велики. Пишет и пишет заяц-беляк по белому снегу свои письмена. А лиса мчится за зайцем и следы его как бы читает, но бегло, не прочитывает до конца.

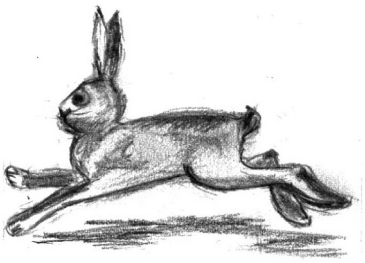
Смотрим мы с папой на все эти зимние олимпийские игры и что видим? Уже не только второй круг сделал заяц, а лиса гонится и гонится за ним — холериком, за ним — спринтером и никак не угонится. Куда ей, специалисту по средним дистанциям, гоняться за длинноногим зайцем. Может, среди зайцев он ещё и чемпион?

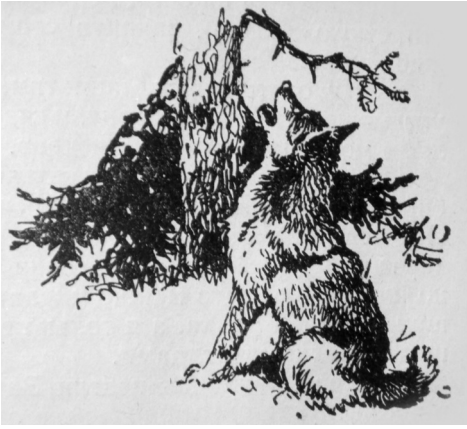
Сделала рыжая лиса два круга следом за зайцем, но он может сделать кругов, сколько угодно, не сосчитать. Присела рыжая перед четвёртым кругом на кочерыжку капустную, поджала под себя огненный хвост, призадумалась. И, хотя она сыр во рту не держала, а заяц не похож цветом шубки своей на лисью, лиса зайца всё-таки не догнала. И думает лиса: «Что же я так оплошала. Надо хитрость применить. Что за ним гнаться-то следом? Так можно сделать сколько угодно кругов! Заяц из трусости никого не подпустит к себе на близкое расстояние. Так и будет держать дистанцию».

А следы заячьи шли, петляя, далеко в поле. И заяц уже не мчался по кругу навстречу лисе, туда, где сидела и поджидала его лиса. И вот она придумала такой хитрый план: бежать не по прямой через круг, а наперерез зайцу.

Это мы с папой прочитали следы на снегу, как письмена: заяц пишет, а лиса читает. Лиса проявила смекалку и хитрость, а заяц — труслив, и получилось то, что получилось.

Постояли мы, посмотрели на круг из заячьих и лисьих следов. И стало нам ясно, что хитрость есть хитрость, а трусость есть трусость. Лиса гоняет трусливого зайца, ходит в поле заяц кругами. Но стоит ему присесть, как в снегу его уже не видать. А лиса в своей огненной шубе торчит, как бельмо в глазу. Для чего лисе это надо? Лиса своя осенью в золотистых лесах, а заяц свой в снегах, в белоснежной степи. Вот и живет в снежном поле заяц-беляк в целости и сохранности до конца своей жизни.





Баритон серого волка

БАЙКИ ПРО ВОЛКА

И на волка есть управа – степной орёл

ВОЛЧИЙ ШЛЯХ

В Дубовике, где проводят свои хлеборобские конференции учёные, председателем был Виталий Кузьмич. Жил он неподалёку от Дубовика, в малом городке, где имелась у него, как и у всех жителей, усадьба с огородом, на котором он ничего не делал. Боялся Виталий Кузьмич укуса пчелы, от этого он распухал опасно для жизни. За него на огороде жена работала, сам Виталий Кузьмич целиком был занят дубовицким хозяйством. Гречихи он не сеял, не хотел, чтобы летали сюда пчёлы из города, где пчеловодов было превеликое множество. А из охотников на волка был только один Лисицын, фотограф. Но не с фоторужьём, а с настоящим, охотничьим, заряженным пулей.

Поскольку гречиху Виталий Кузьмич не принимал в расчёт, пришлось ему сосредоточиться на зерновых, а именно, на озимой пшенице. И на животноводстве, а именно, на овцеводстве. И была у него в Дубовике овцеферма. Но не было на овцеферме технологии сохранения общественного поголовья.

Пронюхал про это волк, живущий в соседних лесах и перелесках, в окрестностях Онегинского посёлка и стал наведываться на Дубовицкую овцеферму. Как нанесёт визит сюда волк, так с десяток овец зарежет и только одну возьмёт и утащит. Ну, сколько можно терпеть этот разбой? Появился охотник Лисицын.

— Фамилия у меня такая, от животного мира, — сказал он Виталию Кузьмичу. — Но охочусь я на крупного зверя —на волка. Могу предложить свои услуги, если не возражаете.

— Конечно, не возражаем, — живо ответил ему председатель со своим интеллигентным именем, доведенный волком до крайности. — Опять этот хищник зарезал одиннадцать с половиной овец.

— Как «с половиной»? — удивился Лисицын. — Как это можно?

— А так, — сокрушенно сказал Виталий Кузьмич. — Одна осталась живой, недорезанной. Тут некоторые предлагают, — пошутил

горько дубовицкий председатель, — отвести её в город, к хирургу районной больницы.

— К ветеринару надо, — не понял юмора охотник Лисицын.

И, с согласия Виталия Кузьмича, засел на ночь на дороге из Дубовика в сторону Онегинского поселка, по которой ходил ночью туда и обратно волк, оттуда - с овцой на спине. В связи с этим дорога на Дубовик получила в народе название Волчий шлях.

Волк матёр и хитёр. Туда идёт по асфальту и оттуда идёт по асфальту, след в след. Аккуратно ногу свою ставит там, где машины ходят, отбивают запахом бензина волчий запах.

И вот сделал Лисицын засаду. Сидит среди всех этих запахов в глухую ночь, без луны. Сидит и молит Бога, чтобы луна не вынырнула из-за туч раньше времени. Но и волк не дурак. Идёт, стелется по асфальту туда – пустой, а оттуда, как всегда, с овцой на спине.

Ничего не вышло у Лисицына с волком в первую ночь. Опять зарезал волк десять овец и унёс одну.

Засел Лисицын на вторую ночь. Увидеть бы только очертания волка. Не до дрёмы. Вспомнил Лисицын про братьев волчьих Ромула и Рема, основавших вечный город Рим, вспомнил про разведку боем на прошлой войне. Волк прошёл мимо Лисицына не справа, а слева, когда Лисицын уснул. И опять волк сделал свое чёрное дело в Дубовике.

На третью ночь засел Лисицын на том же месте, с ещё большим рвеньем поддержать свой пошатнувшийся авторитет. Что же он профессионал, а с одним-единственным волком не справится?

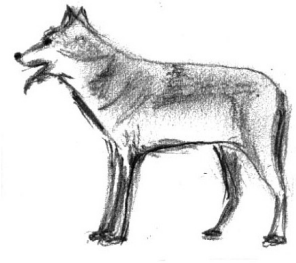
Блеснула луна, и Лисицын, наконец-то, увидел волка. Но нервы у Лисицына были уже не те. «Бах!» — раздалось из одного ствола, а второй он никогда не заряжал. Не нужно ему было второго выстрела, с одного он бил наповал. Но тут волк, как показалось Лисицыну, оскалил зубы, бросил овцу и исчез в темноте, во всех этих лесах, перелесках, окрестностях Онегинского посёлка. Лисицы подобрал овцу и потащил в Дубовик.

— Вот, — швырнул Лисицын к ногам Виталия Кузьмича овцу в качестве вещественного доказательства.

Председатель велел передать трофей в столовую. В обед механизаторы ели наваристый борщ с бараниной и, смеясь, похваливали волка.

Аппетит волчий что у него, что у них. Непрочь бы они таких щей похлебать и завтра. Но на завтра волк уже не появился. Говорили, что ушёл он от греха подальше - неподалёку тут, в другую область.

Через какое-то время Виталий Кузьмич был включён в делегацию для поездки в Канаду. Одним из вопросов стояло: организовать за рубежом покупку волков как санитаров животного мира, чтобы выпустить их тут у нас, в серединной России. К сожалению, Виталия Кузьмича ужалила пчела, из-за его болезни договор не был подписан, волки так и остались в Канаде.



БАРИТОН СЕРОГО ВОЛКА

В окно постучали. Сергей Алексеевич подумал: «Должно быть, зовут к телефону? Прибежали из сельсовета». Сергей Алексеевич был в Подбелевце председателем муниципального поселения, но по привычке звал его «сельсоветом». Оказывается, принесли кутёнка. Кутёнок был такой хорошенький, кругленький, увалистый, серый с тёмным носом, похож на овчарку. А может, это волчонок? Знали, кому приносить. Горазд Сергей Алексеевич на всякие выдумки: то привьёт грушу к яблоне, то разведёт индоуток, ондатр, которых после возьмёт и выпустит в речку.

И стал жить у него этот кутёнок. Сергей Алексеевич приглядывается к нему и не поймёт, собачонка это растёт у него или волчонок? Подрос его питомец, больше стал похож на волчонка. На всякий случай Сергей Алексеевич днём начал сажать его на цепь, а на ночь иногда отпускал: пусть побегает. Неизвестно все же, волчонок это или молодая овчарка? По Подбелевцу поползли слухи: волк у Горбатова появился. То тут курицу стянет, то в другом конце села собаку придушит. Пришла к Сергею Алексеевичу целая манифестация.

— Волка держишь, всю округу терроризуешь, а ещё председатель. Сам пристрели или отдай охотникам, пусть пристрелят.

Молодой волк сидит на цепи. Когда на день, когда на ночь посажен на цепь, лишен воли. И люди, что заходят сюда во двор, как увидят волка, то швырнут в него комком, то запустят матерком. В общем, чует он к себе тут на селе враждебное отношение. И только хозяин относится к нему по-человечески: и кормит, и с цепи спускает, и иной раз ладонью проведет по спине.

— Как же тебя назвать-то? — говорит он молодому волку. — Назовём Вервольф. Ставка под таким названием в войну была у Гитлера, где-то под Винницей. Что значит «Волчье логово».

— Вервольф? Ко мне! — кричит Сергей Алексеевич и кидает ему половину индоутки. — Ешь, ешь, обормот. Скоро тебе и целой утки на день не будет хватать. Была бы собака, хвостом бы виляла в знак благодарности, а ты только зубы скалишь по-волчьи и повизгиваешь по-собачьи.

Совсем взрослым сделался этот Вервольф. Больше корма стало требоваться, больше давай ему воли. А где эта воля тут у нас в Подбелевце? Где вы её видали? Натянет Вервольф цепь что есть силы, так и стоит, тянется к лесу, виднеющемуся со двора.

Приходит как-то Сергей Алексеевич домой, глянул на будку, а цепь пуста, нет волка. Оборвал ошейник и убежал со двора. Убежал этот Вервольф неизвестно куда.

— Вервольф! Верво-о-льффф! — крикнул Сергей Алексеевич в сторону леса.

— Оо-ууу, — отозвалось, как показалось ему, из орешника.

Неподалёку поселился этот Вервольф от Подбелевца, от дома Сергея Алексеевича, от своей будки. В осиннике, где грибы лисички водятся, выбрал самое тёмное, глуховатое место. Вырыл яму себе в вымоине под шумящей осиной. Пока тут ему нравится: и по воле походит, по окрестным деревням, и домой к себе, к своей будке, к Сергею Алексеевичу, сходит. Всю ночь напролёт сидит он перед окнами, ожидает, когда на порог выйдет Сергей Алексеевич и швырнет ему ондатру или индоутку, а то просто погладит его по спине.

А живность в округе пропадает и пропадает. Собрались подбелевские мужики, позвали охотников. Целый день лазали они по лесам и перелескам. Кричали всё, грохали в пустые кастрюли и вёдра, выгоняли волка на охотников с ружьями, стоящих на «номерах».

«Шутки плохи», — подумал Вервольф и решил отсюда переселиться, куда подальше, в другое местечко.

И поселился он в устье Алёшни, впадающей в Зушу. Глухомань. Ни кола ни двора по близости. Никого. И завыл как-то волк

тут по-волчьи. Вот выл, разорялся, плакал вроде бы по судьбе своей, по одиночеству. Получалось протяжно и гулко. И летел, летел его голос по речке Алёшне, вверх до посёлка Синяевский. Тут-то его и услышал Иван Андреевич, сказал жене своей Нюре:

— Это волк воет. Сто лет уже не было волков в наших краях и нате вам, появился.

— Голос какой красивый, — ответила Нюра. — Прямо как в телевизоре. Баритон из Большого театра.

— Баритон — это такой голос, «красивый», — прислушался Иван Андреевич. — Это в устье где-то, волк подбелевский, должно быть от Сергея Алексеевича.

Каждый вечер садились на лавку Иван Андреевич со своей женой Нюрой и слушали волка. Выходили из дому сюда к ёлке, как на концерт. Совсем забыли, что это волк, что он плачет по воле своей, по одинокой судьбе. Они слушали его и говорили, какой у него то высокий, то низкий, красивый голос.

— Баритон называется, — говорил Иван Андреевич.

— Как в Большом театре сидим, — отвечала жена ему Нюра.

Они думали, что он поёт просто так, а он пел о свободе в тоске и одиночестве, плакал по своей волчьей безотрадной судьбе, про свои сто лет одиночества.

— Подбелевский волк, — заметила Нюра. — Зовёт, зовёт кого-то... подругу ищет себе где-то в лесах и степи.

— Подрос этот волк, — сказал Иван Андреевич. — Не может уже жить без радости и без семьи.

С тем теперь и уходили они домой, на ночь глядя, однако у двери в сарай с овечками Иван на всякий случай вешал ружьё.

ПРЕДВОДИТЕЛЬ СОБАЧЬЕЙ СТАИ

К зиме в городе кто-то выбросит собаку, кто-то сам умрёт, собака окажется брошенной. А ещё есть и служба, которая отлавливает и отстреливает собак. Почуяли собаки опасность и стали уходить из города, прибиваться к людям по деревням. Но и в деревнях кому городские собаки нужны, своих девать некуда. И стали собаки сбиваться в стаи и бродить стаями вокруг деревень и посёлков. И вот такая стая появилась в устье речки Алёшни, впадающей в Зушу, во владеньях подбелевского волка.

Сначала волк ощерился на собак, а потом подумал: «А чего мне коротать жизнь в одиночестве? В стае как-то легче: и жить, и кормиться». И примкнул к собачье своре, тем более, что, кроме плюгавых шпицев, были в ней также овчарки волчьей породы.

Волк стал большой, сильный и умный. Всё же волк. Лучше приспособлен к дикой природе, к этим лесистым местам. Имеет жизненный опыт, может объяснить, как опасны люди с ружьями, что не надо приближаться к ним на расстояние выстрела. И собачья свора признала его вожаком.

Волк выбрал себе в подруги молодую овчарку. С подругой жить интереснее. Собачья стая проверяла окрестные деревни, посёлки, и волк водил их по протоптанным тропам. Добрались они и до Синяевского.

Появилась стая на синяевском лугу неожиданно, когда мирно паслись тут овцы. Стая налетела на них, овцы бросились в речку. Собаки следом перемахнули через протоку и погнали овец по посёлку.

Крики овец, визги собак! Собаки резали овец, шкура овечья клоками летела на окровавленную траву. Иван Андреевич бросился в дом за ружьём. Собаки вихрем пронеслись из одного конца посёлка в другой. Когда Иван Андреевич выскочил на дорогу, стаи во главе с волком уже и след простыл. Три овцы валялись на тра-

ве, четвёртую свора утащила с собой. Каково было видеть жалкую кучку овец, дрожащих от страха?

Собаки жили когда-то среди людей, они знали городские повадки и потому были хитры, изворотливы. И волк, их вожак, тоже знал людей, тоже был хитёр, но ещё обладал и здешним жизненным опытом. Знал, что люди бывают всякие. Не обязательно такие, какими считают их собаки, сбившиеся в эту стаю. Волк помнил ошейник, но и помнил, как снимали с него в Подбелевце этот ошейник, давали свободу.

«Мне вчера дали свободу, — гремел на свою округу голос Высоцкого в посёлке Синяевском, — что я с ней делать буду?»

Овчарка подошла к волку, потерлась боком о его переднюю ногу, оскалила зубы:

— Вожак! Идём в город, налетим на хозяев, которые прогнали меня от себя? Отомстим?

Волк слушал громкую музыку, долетающую к ним сюда из посёлка.

— Не надо, — сказал он собачьей стае. — Не надо мстить. Не то люди придут сюда, найдут нас тут и перестреляют. Не командуйте мной, собаки.

Слушайте, слушайте, слушайте меня, волки!

У людей имеются ружья, капканы. Они придут сюда в устье и погонят нас на флажки. И тогда померкнет у нас и жизнь, и это сладкое слово «свобода».

Съев баранины, стая расселась вокруг вожака, повизгивая и принюхиваясь друг к другу. «Главное — бег, а в беге не отстать от других, главное — выжить в стае». Так думали собаки, и совсем не так думал волк.

МНОГОДЕТНАЯ ВОЛЧИЦА

Охотник Лисицын в заготконтору райпотребсоюза притащил в мешке волчий выводок — семерых волчат. Директор загоконторы принял волчат и заплатил за них, как за взрослых волков. Так было предусмотрено законом, чтобы волки в районе не размножались.

Сначала волчат разместили в загоне. Они были пушистые, кругленькие, катались по травке, играли между собой, как дети. Директор собирался отправить их за границу района, но не в Америку же и не в Канаду, где будем платить за них потом живые деньги.

Однако денёк у директора прошёл в хлопотах по основной работе, и волчата остались в загоне. Квартира директора была тут же при заготконторе. Ночью что-то его обеспокоило. Поднялся он, заглянул в окно и видит под луной волчица сидит и смотрит молча сюда, прямо ему в глаза.

Утром директор запер волчат в сарае. Навесил на дверь огромный замчище. Пусть посидят, пока он не отправит их, куда надо, где их утилизируют.

На следующую ночь директор опять почувствовал в себе что-то неладное. Во дворе послышался шорох, но на улицу директор не вышел. Утром, чуть свет, решил заглянуть он в сарай, снял замок, открыл дверь — нет волчат. Оказывается, волчица за ночь сделала подкоп под стенкой сарая и увела волчат. Пошёл директор к охотнику Лисицыну и говорит:

— Ротозеи мы с тобой! Волчица подкопала под сараем и увела волчат. Надо найти всю эту братву.

Отправился Лисицын на то место, где взял выводок, но там его, естественно, не оказалось. Не такая дура эта волчица, не глупее Лисицына. Она увела волчат, как говорится, на запасной аэродром. Подумал, подумал охотник, где ещё могут быть волки и догадался. Пошёл он по известной ему тропе в другое место, где приготовлено было волчицей ещё одно логово, и поставил капкан.

Попала в капкан волчица, не ожидала такого коварства. Не знала, что для таких, как она, люди ставят ещё и капканы. Хотела волчица с досады даже отгрызть себе лапу, но пришёл волк. Стал с ней прощаться, а она принялась рассказывать ему, чем кормить волчат и где брать для них корм. Волк слушал её, и крупная капля сбегала у него по скуле.

Потом волк привел к ней волчат. Волчица знала, что, раз она попала в капкан, пощады не будет. Лисицын знал, что в капкан она всё равно когда-нибудь попадёт. Собрался он и вот уже идёт сюда проверять свой капкан. Волчица подёргала, подёргала прищемленную лапу и стала спокойно ждать своей участи. И тут подошёл к ней волчонок. Со звёздочкой во лбу. Самый любимый. Сердце волчицы оборвалось, сжалось от страха за него. Она отгрызла себе лапу и ушла. Увела с собой белолобого из-под носа Лисицына, на трёх своих целых ногах.

ИГОЛКИ НА ВОЛЧЬЕМ ЯЗЫКЕ

Привезли в малый город на снегоходе убитого волка и сбросили возле ресторана. Язык у него вывалился, весь в иголках. Носились за ним по полям, по буграм на снегоходе «Буране», как на вертолёте. Спасаясь, волк забежал в хвойный лес, в ёлках его и прикончили. Проволокли по ельнику, вот иголки на язык ему и нацеплялись.

Так мне в памяти волк и врезался. Язык его вываленный, иголки зелёные на языке. И тут мы в школе как раз изучать стали диких хищных животных. Я выбрал тему про волка. А чтоб рассказать на уроке получше, захотелось мне прежде посмотреть на места, откуда привезли убитого волка. Сел я в автобус и поехал по маршруту в Костинский лес. После Орлянки надо проехать ещё километра четыре, потом километра два полем пройти до Упалого. «Дай, думаю, — фотографию церкви заодно сделаю». В Упалом церковь только принялись восстанавливать.

Иду я полями, разглядываю эти места. В Гнилой Плоте ферма брошена, в Упалом колокол недавно навесили. «Не надо, — думаю, — называть так селения. А тут Гнилая Плота, Упалое, так и тянет к плохому, глухому, к волчьему». И заблудился я. Чувствую, в соседний район попал, даже в соседнюю область.

Хожу, хожу, дороги не нахожу. Слева — поля по краю с кругами автомобильными, справа — лес. «Ну, — думаю, — тут, скорее всего, последнего волка и взяли». И страх в меня стал входить, поселяться.

Уже вечереет, а я всё в глуши, где в лесу, скорее всего, волчьи ямы. Удар колокола за лесом послышался. «Ага, — думаю, — вот для чего эти церкви, в колокола бьют, чтобы люди в степи не блудили».

Гляжу, вроде волк. Или, может, собака? Пробежала вдоль леса и подалась в другую сторону. В самом деле, волчьи места, лес этот

Костинский. Тут было последнее логово убитого волка. Высокие ёлки, зелёные иголки. Сумрачно. Спасибо, колокол даёт понять, куда идти. Скоро я вышел к Орлянке, по которой ходят автобусы.

В обратную сторону автобус давно прошёл. Стою я у школы, тут же дом учительский. Вижу — двое. Видно, учителя. И тут же «Жигули» — отечественная машина. Вечереет уже, а я так устал. И идти до малого города ещё восемнадцать километров. Женщина, стоящая тут, меня поняла.

— Подвези паренька, — сказала она мужу.

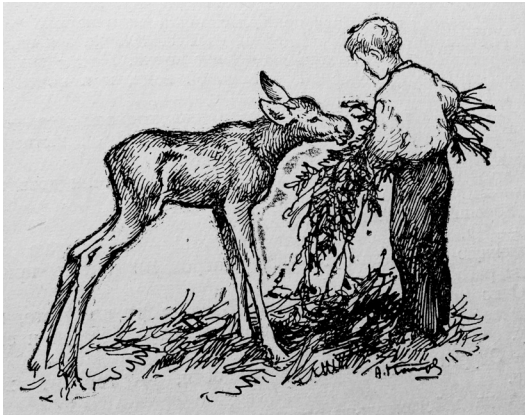
Он повернулся молча и пошёл, куда ему надо. «А ещё, наверно, учитель, - подумал я. - Человек человеку — кто?»

Едва дотащился я от Орлянки до малого города, шёл до ночи и всё считал пройденное расстояние. Сколько протопал я, чтобы увидеть эту последнюю оставшуюся в живых церковь, последнее пристанище волка.

На другой день, когда я стал готовиться к уроку биологии, я задумался о том человеке у школы и о волке в урочище. «Конечно, волк есть волк, что с него взять?»

А в памяти всё бьёт колокол где-то в Упалом, выводит меня на дорогу. И волк на снегу с языком в зелёных хвойных иголках. Пал Упаловский колокол, а подняли, навесили — звонит, не дает заблудиться человеку в пустых белоснежных полях.

Лось в околке



Мальчик с лосёнком

ЛОСИНЫЙ ОСТРОВ

А это Шмель-финансист

ЛОСИНЫЙ ОСТРОВ

За посёлком, посреди поля, зеленеет осколок леса. Механизаторы, когда сеют, всегда опахивали и опахивают этот кустарник, возникший тут из занесённых ветром семян. Березнячок этот зовут «околок». А с тех пор, как лось останавливается тут и стоит в тенёчке, «околок» получил название Лосиный остров.

Лосиный остров служит лосю пристанищем, когда он переходит из перелеска в перелесок, а тут делает остановку. Лосю тут хорошо, просто замечательно. На ветках поют всякие птицы, а под ногами цветы. Васильки — от поля, а от леса — майские ландыши. Под копытами лося могут оказаться даже грибы, в большинстве подберёзовики.

Сам лось большой, высокий, уже взрослый зверь рыжеватого цвета. С оттопыренной нижней губой и ветвистыми рогами, похожими на корону. Однако зверем его тут никто не считает. Какой это зверь? Воспитанник здешней округи. В Подбелевце он вырос у одного мужика — в сарае, вместе с коровой.

Мать у лосёнка застрелил браконьер, его подобрал подбелевский этот мужик, выкормил, воспитал.

Вырос лось и стал крупным, просто огромным, в сарай уже не влезал. Мужик отвёз его в лес и ставил там. Но лось-то не дикий, а с человеческим воспитанием, вспоен на коровьем молоке. Не умеет в природе корм себе добывать. Подойдёт к селу и стоит, ждёт, когда ему кто-либо что-либо даст. Увидит своего бывшего хозяина, подойдёт, положит голову ему на плечо, а пальцы его своими губами мягкими, толстыми перебирает. Это он хлебца так просит.

Вот и сейчас стоит лось, прислушивается, как над ним берёзы шумят, грибы скрипят — лезут из-под копыт. Ноги у него высокие, но шаткие, не могут держать его; рога, как корона, плашмя лежат на голове. Смотрю я на него и не боюсь подойти, подхожу. Лось тянется ко мне головой, оттопыривает свои толстые, мягкие губы, я кладу на них ломтик, взятый с собой на дорожку.

— Ну что, — говорю я, — лось, любишь хлебушек? Что тебе, такому большому, кусочек? Р-раз — и нету. Я тебе куплю в Подбелевце целую буханку. — Подожди меня тут, принесу...

Говорю я ему, как помягче, почеловечнее, а он кивает мне головой. Такой доверчивый и такой высокий, огромный. Едва влезает в свой Лосиный остров. И пошёл я дальше своей дорогой на Подбелевец, а он всё смотрел мне вслед и кивал головой, и кивал. Добрый лось, очеловеченный.

Дорога неблизкая, километра три полем. Наконец, я пришёл в магазин, купил, что мне надо, а особо буханку хлеба, обещанную лосю. Стоит, небось, в «околке», поджидает меня, губу нижнюю свою оттопырил.

Подхожу я к Лосиному острову, а он весь насквозь светится. Значит, в нём нет никого. Видно, постоял, постоял лось, подождал, подождал меня да и пошёл своей дорогой к Байдину лесу.

Положил я буханку хлеба на траву, на след от копыт.

— Вернётся лось, — сказал я «околку», — это его хлеб, я принёс ему из Подбелевца, как и обещал.

Так теперь и норовлю сходить за чем-нибудь в Подбелевец. Каждый раз стараюсь пройти мимо Лосиного острова, а на обратном пути оставить лосю хлеба побольше и даже любимых моих мятных пряников. Настоящий пир хочу закатить я ему, этому лосю.

Вот он - Лосиный остров. Тут мы стояли с ним в тени под берёзой. И лось положил голову мне на плечо. Брат мой меньший, в природу окно.

А на днях, сказали мне, лисички появились в осиннике. Осинник — это самый густой перелесок в округе. Вглядываюсь вдаль, не засветятся ли в сумраке эти грибы лисички? И что вижу я? Лося. Увидел он меня и как пошёл-пошёл по осиннику, набирая скорость и перебирая ногами. Как пошёл-пошёл, огибая телом густые осинки, и всё вокруг меня, всё полукругом, дугой. Остановится, фыркнет губой.

— Лось! — кричу я на весь осинник. — Значит, встал ты на ноги, вон как бегаешь! Назначаю тебе завтра встречу на Лосином острове. До скорого, до скорого, лось!

ШМЕЛЬ — ФИНАНСИСТ

Была у нас такая собачка — маленькая, но с большими возможностями, пинчер по имени Шмель. Едва возьмёшься за поводок, как он тут же делает стойку и суёт голову в ошейник. Знает, что едем на дачу, и ему хочется с нами. Возьмёшь его на правую руку, прижмётся он бочком к тебе и — вперёд. Хоть на край света, не то, что в посёлок Синяевский.

Многофункциональная собака, но главная её функция – охранять. На постель ляжешь, пинчер тут же в ноги мне, уши топориком. Если в квартире, то у двери ляжет, никого не пропустит. А на усадьбе – сразу берёт под охрану всю территорию. Вот туда, в наш Синяевский дом, бывало, и стремится он, едва с гвоздика снимешь ошейник.

Все знали нас по нашей собачке. Пассажиры в автобусе, на автостанции, даже билетный кассир всех сельских маршрутов не брал за него с нас деньги и улыбался нам из своего зарешёченного окна.

Едва мы приехали в Синяевский, как Шмель давай исполнять свои функции. И в ногах у меня, едва я прилёг отдохнуть, сделал уши топориком. И порог дома взял под охрану. И территорию всей усадьбы от калитки до двух одиноких берёз за огородом принял под своё неусыпное наблюдение. Вот такой пёсик, сторожевая собака!

Едва поднялся я с постели, как Шмель в зубах уж несёт мне мои тапочки. Так приучен носить каждому тапочки. Собираюсь я в лес по грибы, Шмель голову в ошейник уже не суёт, тут свобода, не нужен ошейник. Однажды, помню, он бросился в лесу на сохатого — огромного такого, рогатого зверя, не побоялся. А в этот раз произошёл еще один случай.

Иду я со Шмелем по орешнику, собираю опята — первые летние, быстро сходят. Перекинул я взгляд с грибов на орешник: «Какой урожай будет сегодняшней осенью?» И вдруг за спиной Шмель тявкнул, потом ещё и ещё, подавая знак. Я обернулся и замер: Шмель сделал стойку, а перед ним — змея. Подняла голову передо мной и качается, покачивается. Натянута, как тетива. Глаза горят змеиным воинственным блеском. А Шмель между нами стоит, ска-

лит зубы. Змея покачалась, покачалась и, как камера от велосипеда, испустила дух, осела в траву.

Мы поспешили отсюда, из этих, скорее всего, владений змеи.

На краю Синяевского встретилась нам тётя Нюра.

— Молочка вам домой принесла, — сказала она. — Бидон поставила возле вёдер на лавку.

Подошла наша мама.

— А деньги взяла?

— А где? — пожала плечами тётя Нюра.

— Как где? — сказала мама. — Где и всегда: на лавке возле окна.

— Да нет там никаких денег, — ответила тётя Нюра.

— Шмель твой, что ли, стянул? — обернулась мама ко мне.

— А кто же ещё, — повернулся я к своему многофункциональному пинчеру. — Шмель, наверное. Он мне носит не только тапки, но и деньги. Кладёт возле тапочек, а я отношу их на место.

— Ого, — засмеялась тётя Нюра. — Да что он у вас — финансист?

— А кто же? — улыбнулся я Шмелю и потрепал его по ушам. — Финансист и ещё какой! Берёт деньги и носит. Какие побольше в одну кучку складывает, какие поменьше — в другую.

— Что — счёт знает? — удивилась тётя Нюра. — Какой молодец! Что же, если я поменьше молока вам налью, он и денег мне положит поменьше?

— Ну, а как же, — подмигнул я своему пинчерёнку. — Да, Шмель? Поменьше положишь тёте Нюре бумажку?

— Конечно, поменьше, — сказала теперь уже мама. — Он у нас финансист серьёзный. Работает, как в аптеке. Ни грамма меньше, ни грамма больше. Вот так!

— В первый раз слышу такое, — погладила тётя Нюра моего пинчерёнка. — Нет такого, наверное, ни у кого.

—Многофункциональная собака, — сказал я, гордясь, тёте Нюре. — Охраняет дом, носит тапочки, деньги умеет считать.

Может, и в самом деле, Шмель наш — чудо природы, с врождёнными человеческими способностями? Вот бы научить его ещё и книжки читать.

БОБЁР — СТРОИТЕЛЬ ПЛОТИН

Внизу у нас по речке Алёшне бобры водятся. И откуда взялись? Слышали мы, что раньше они жили по речке Черни. Стало быть, вверх оттуда пошли, против течения Зуши, и появились тут у нас, на Алёшне. Увидели мы подточенное со всех сторон дерево на берегу.

— Кто это? — спросил я.

— Бобёр, — ответил мне папа.

Дерево было подточено с такой стороны, что непременно упало бы через речку на другой берег. Оценили мы труд бобра и ушли. А через недельку пришли сюда, а дерево уже макушкой на том берегу, а от ствола, что от корня, на этом. Получается мост, плотина. Инженерное сооружение. По мосту ходи на ту сторону речки, а плотина нужна бобру для подпора воды. Подопрёт бобёр воду плотиной, получается столько воды. Ныряет бобёр в глубину, там под водой у него нора, жилище бобров. Ход подземный у него ведёт наверх, к гнезду.

С интересом смотрели мы в воду: «И где это там у него вход в нору, в каком именно месте?» И бобёр из-под ствола, лежащего на воде, смотрел на нас с любопытством: «Что за люди, чего им надо?»

Туда-сюда проплыл бобёр по воде, себя показал. Зубы крупные, валит любое дерево. Плоский хвост, как лопата. Пальцы передние, как на руках человека.

— Вот какое сооружение, — рассматривает папа дело рук бобровых — эту плотину. — Каков голубчик ты, хитрюга каков! Как скрываешь вход в жилище своё от врагов, всяких хищников.

Сидит себе в нём бобёр, летом думает о зиме, делает на зиму для бобрят заготовки из травы, коры, насекомых, а зимой — вспоминает о лете, когда всего вдоволь бывает.

— Чему радуетесь? — сказала нам мама. — Глядите, скоро воды в Алёшне наберётся столько, что закроет нам ключ, из которого мы берём воду, и я суп варю.

В самом деле, через неделю, другую бобровая плотина сделала своё дело. Ключ, из которого брали мы воду, ушёл на дно Алёшни. Вот их столько на дне тут, всяких ключей. Из-за них вода ледяная, ходим мы на Зушу купаться, тут невозможно.

«Что делать? — думаю я. — Как быть без ключа, без воды?»

— Искать воду надо в другом месте, — говорит папа. — Где-то там, на проказинском берегу. Спасибо бобру, что мост построил, есть по чему перейти на тот берег. Там, по краю проказинского леса, наберём ещё и грибов. Прошлым летом переплыл я Алёшню и набрал там, помню, лисичек с ведро.

— Вот спасибо бобру, — поддержал я папу. — И за грибами можно ходить, и за родниковой водой, и просто так, когда надо в Проказинку. Переходи в любой час через речку.

Так по дереву наловчился я переправляться, что переправа для меня теперь не составляет труда.

Сидим мы вечером на крылечке, пьём чай. Всё на посёлке Синяевском, натрудившись за день, отходит ко сну. Иногда слышится снизу, от речки, плеск плавающего бобра. Слышу я, как бобёр обрывает с берега и поедает траву или обламывает с ракиты кору. И думаю о живой природе, о мире животных. Живи, бобёр, тут у нас, на Алёшне! Живи, приживайся! Живи, инженер от природы, мудрый строитель плотин.

ЛОШАДЬ ПО ИМЕНИ ВЕРБА

Собрались мы за сахаром в магазин. Но не в Подбелевец, а в Лыково. Надо было варенье варить, требовался сахар. Тётя Нюра попросила и ей купить с полмешочка. Сказала дяде Ване, чтобы лошадь запряг, на которой они ездят в Прилепы на дойку и с дойки.

Лошадь по имени Верба была смирная, уже старенькая, но продолжала работать на ферме, служить людям, за что получила ещё и такое имя «Слуга народа».

Дядя Ваня запрягал её, а мы с папой смотрели, как он это делает. Как заводит хомут через голову, подтягивает гужи, набрасывает чересседельник, поднимает оглобли.

– Смотрите, как я это делаю, – говорил он папе. – Когда-нибудь пригодится.

«Слуга народа» переступала с ноги на ногу и сама заходила в оглобли.

– Вот вам бразды правления, – сказал дядя Ваня, вручая моему папе вожжи. – Руководи.

Поехали мы в Лыково верхней, «дяди Ваниной» дорогой. С высоты вид на Зушу открывался широкий, просторный. Смотрелось далеко, далеко. Остров на Зуше, устье Алёшни, «колыма» в дымке, а тут по бугру растут полянами всякие травы: синие – от шалфея, белые – от ромашки, золотистые – от зверобоя. Среди них торчат колючки татарника, дурман и конский щавель.

– Красота какая, – сказал я папе, сидевшему впереди с вожжами в руках.

– Русь-матушка, – понукал он Вербу, чтобы она шла пошустрее.

Приехали мы в Лыково, перешли на ту сторону, через узкий мостик, и оказались в магазине. Купили сахару и потащили мешок к телеге.

Возвращались мы той же дорогой. Сначала надо было поднять-

ся на бугор. Телега ехала медленно, поскрипывали колёса. И вдруг лошадь стала. Оглобли упали. Верба стояла, не шелохнувшись.

– Распряглась, – сказал папа с досадой. – Что же нам теперь делать?

– Запрягать, – сказал я папе не очень уверенно.

– Ясное дело, запрягать надо.

– Ага, – сказал папа. – Думаешь, это так просто?

– Но ты же видел, как дядя Ваня запрягал, – подбодрил я папу, хотя и сам порядочно растерялся.

Возился, возился папа, запрягал, запрягал «Слугу народа». Раз десять оглобли падали наземь, а вожжи путались в лошадиных ногах. Наконец, папа смахнул ладонью пот со лба и сказал:

– Всё! Давай-ка передохнём. Пойдем ягоды искать.

– Да вон их сколько тут – пропасть! – обрадовался я ягодным местам. – Гляди, тут и там. Собирай и ешь, сколько хочешь.

Мы собирали луговую клубнику сначала в ладошку, а из ладошки сыпали в рот. Очень вкусно. Рекомендую, когда ездишь на Вербе в Лыково, а оттуда въезжаешь с трудом на бугор, чтобы лошади сама собой распрягалась. А после собираешь в траве луговую клубнику в ладошку и ешь её просто так, без всякого сахару, так даже вкуснее.

Наконец, мы запрягли Вербу. Оказывается, надо уметь делать всякое дело. Сначала подумаешь, зачем тебе это, а глядишь, пригодилось. Всякое может случиться, особенно если ехать на старой, скрипучей телеге. Приехали мы в Синяевский.

– Где же вы были, голубчики? – спросила нас Нюра. – Ехали три с половиной часа, когда тут езды меньше часа.

– Лошадь у нас распряглась, – сказал я ей весело, бодро.

– А что, этому надо смеяться? – удивилась она.

– Ягоды собирали мы, – радовался я, что мы и лошадь запрягли сами, и сахару привезли, и наелись клубники.

Отдали мы сахар тёте Нюре, отнесли сахар домой маме, я тут же схватил стеклянную трёхлитровую банку и побежал «дяди Ва-

ниной» дорогой к тому месту, где на поляне столько полевой клубники, которую мы только что ели горстями. Спасибо, Верба, что распряглась, что показала нам ягодные места, что научила нас запрягать и распрягать тебя, когда надо.

Через какое-то время бежит дядя Ваня и кричит нам ещё вон откуда, с дороги:

– Вербу не видали? Ушла куда-то, наверно, на ферму.

– Не туда бежишь, – засмеялся я дяде Ване, – в другую сторону надо.

– И в какую?

– А в такую! Где ягодные места, луговая клубника. Где распряглась она и стояла, смотрела, рассматривала эти ягодные места.

Дядя Ваня нашёл её именно там. И обратно вёл под уздцы на посёлок.

– Ну, и лошадь, – потрепал по гриве её дядя Ваня. –Слуга народа! Любит, когда мы с Нюрой ездим в гости, где и её угощают. А так смирная, на ней возить только детей. Кобылёнке уже лет двадцать, на ферме она день и ночь, от звонка до звонка.

Вот такая лошадь. Трудяга. Согласилась нести на себе хомут, даёт запрячь себя и идёт по дороге, везёт груз и человека. И хитрая. Если надо, возьмет вдруг и распряжется. Такая лошадь эта по имени Верба.

КТО В ДОМЕ ХОЗЯИН?

Вбежал я в дом и кричу:

– Змей вполз под крыльцо! В доме жить нельзя. У нас в посёлке Синяевский змеи водятся.

– А какой же он из себя, этот змей? – спрашивает папа. – Серый, с жёлтыми ушами?

– Да, – отвечаю. – Серый, с жёлтыми ушами.

– Это уж. Он полезный, охотится на мышей.

– Тем более, – говорит мама, успокаивая меня. – Год этот, по восточному календарю, объявлен годом Змеи.

– Не надо, сынок, его опасаться, – продолжает папа. – Это тебе не медянка... Ну такая острая, медная, цвета меди... Это тебе не чёрная, тонкая гадюка. Живет тут поблизости, в нашем овраге. Вот туда не ходи... ни в коем случае. Тёмных, глухих мест опасайся. А у нас, видишь, дома светло, уютно. Если холодно, русскую печь затопим, чтобы стало тепло.

– А вчера я видел, как речку змей переплывал, – стал я потихонечку успокаиваться. – Тоже с жёлтыми ушами, но посветлей. Серый, длинный такой, как верёвка.

– Тоже уж, – сказал папа мне, чтобы я совсем успокоился.

–Что же это – везде, что ль, ужи? На земле и в водной среде? – допытываюсь я. – А то стою я в городе на остановке, слышу, люди разговаривают. Уж, мол, всех тут передушил, уж злопамятный. А ты говоришь, что уж добрый, папа. Что же это, память есть у ужей?

– Память? Добрый уж? – задумался папа. – Не знаю. Ну, скажем так: уж, скорее всего, не самый злой из этой породы. А если живёт у нас под крыльцом, то, значит, полезный. Он тут хозяин.

Побежал я к дяде Ване и спрашиваю:

– Кто хозяин в доме у вас?

– Кто хозяин? – удивился дядя Ваня. – Ну, наверное, я. Командир в доме я, а Нюра «начальник штаба».

– А змеи под крыльцом у вас водятся? – всё допытываюсь я у дяди Вани.

– Нет, не водятся, – говорит он уже окончательно. – Что им делать тут? Мы с Нюрой пока что с хозяйством справляемся. Вот в бутылке отрава у нас от грызунов. Будьте спокойны, у нас что с ужами , что без ужей, всяким тварям всё равно нет никакого житья.

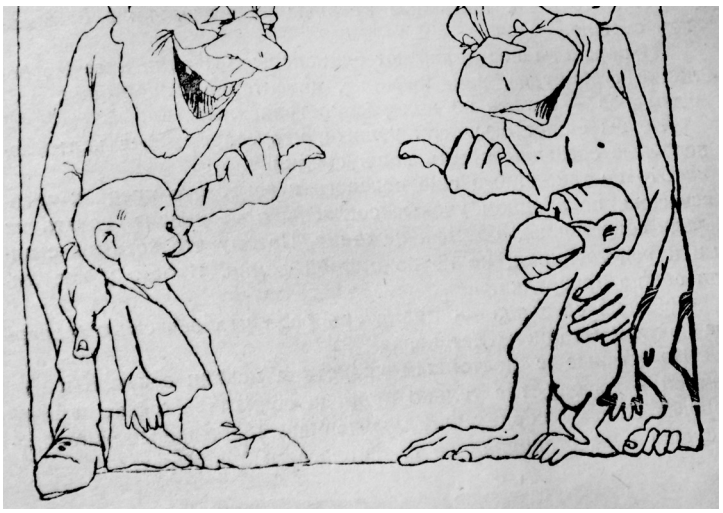
Пришёл я домой и вижу, мама в город собирается. Лето кончилось, скоро мне в школу, на учёбу запрягаться до следующих каникул. Закрываем мы дверь на замок. Мама и говорит:

– Ключ-то, может, Нюре отнести?

– А зачем? – отвечает папа. – С собой возьмём.

– Под камешек положи, – говорю я маме. – Вот сюда, возле крыльца, где уж живет. Пусть присматривает.

– Хоть и ползает уж, – улыбнулся глубокомысленно папа, – а не полоз. Не задушит даже того, кто плохо о нём говорит. Говорить об ужах, о мире природы, о малой родине, сын, несмотря ни на что, надо только хорошее.



Весёлые ребята

Читать – для нас всегда большое удовольствие

Птички бъют во все колокола

В мае. Как у нас в садочке,
когда всё цветёт

Это я – автор, который вслух
читает мной же написанное
А кот Васька слушает

Из «райских птиц». Ишь, какой
птах! Сейчас он исполнит арию
из какой-нибудь оперы

Птичка в полёте

А это – попугаи.
Как три мушкетёра и Д’Артаньян

А это – птица из нашего сада, синица

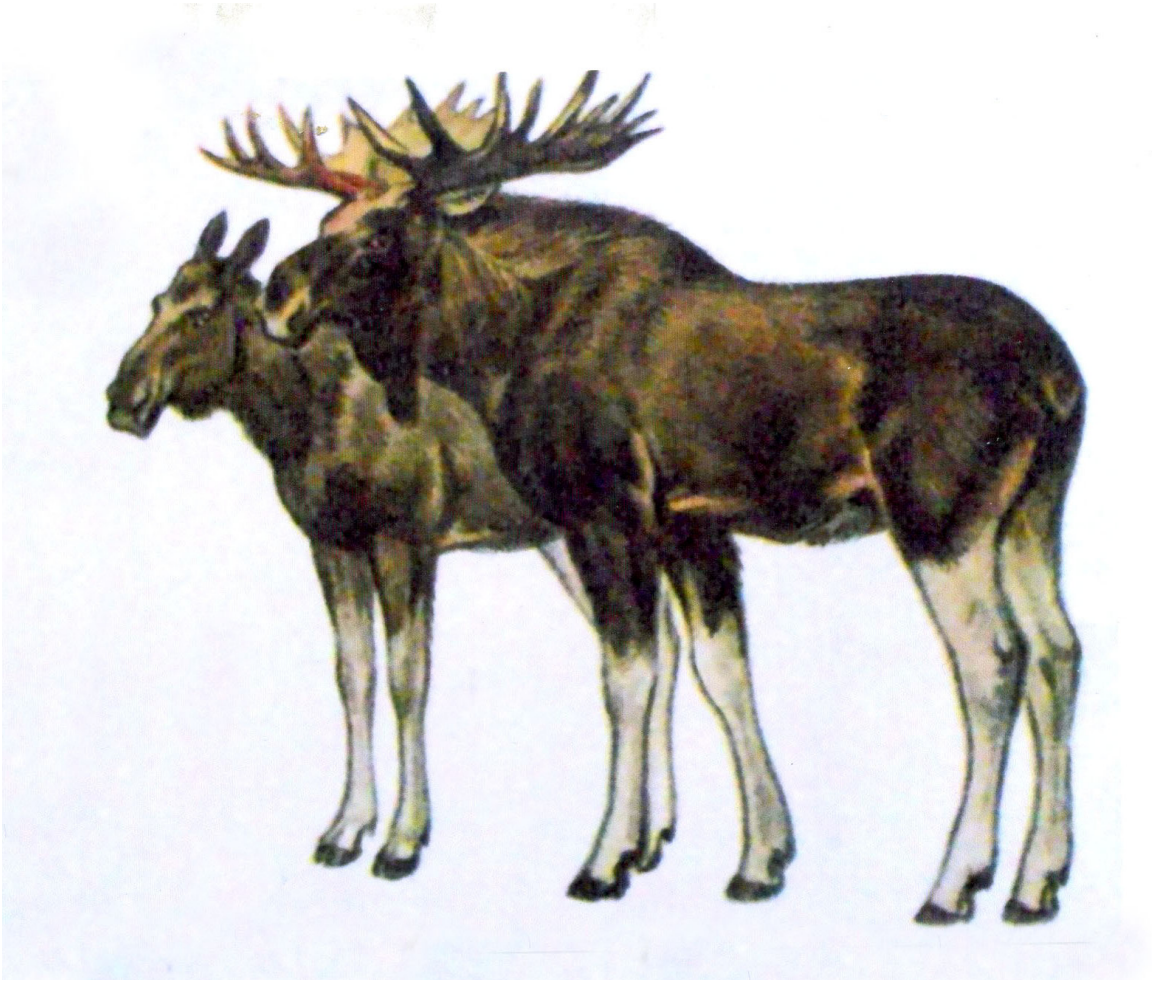
Свистят свиристели

Флейте подобный, милый снегирь

Как «стрижи» в небе перед парадом

Заяц-русак зимой

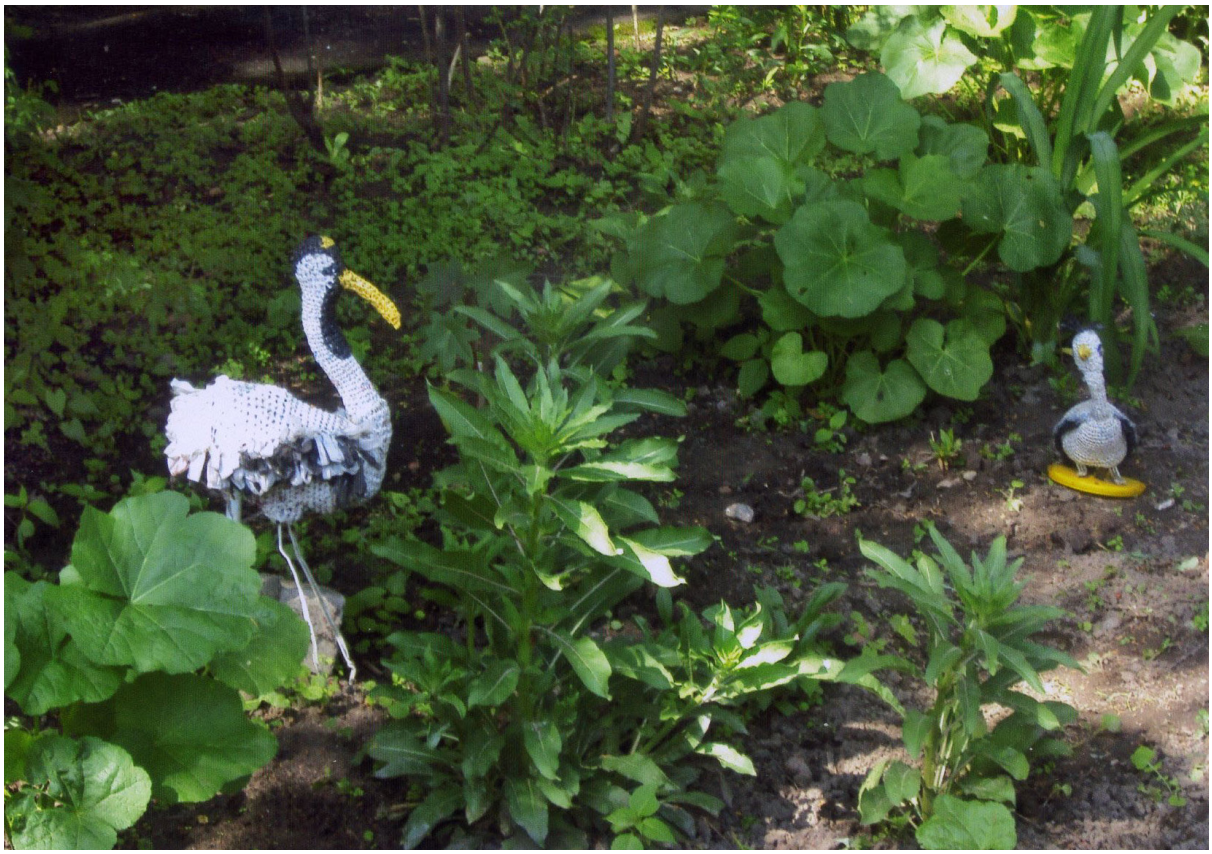
Вот он, этот волк, поющий баритоном



А это – лось с лосихой

Белка с шишкой

Наш кот Васька. Какой важный
и грациозный европеец!



А это цапля прилетела в город и села в палисадник. В городе цаплям летать нельзя. Автоинспекция не разрешает.

А это – тоже я – автор. Угощаю своих читателей свежими огурчиками, только что с грядки

СОДЕРЖАНИЕ

СВИРИСТЕЛИ

Лето в деревне. Райские птицы.....4
Дятел и азбука Морзе 5
Гнездо в крыжовнике 7
«Трясогузка-трясогузочка
балерина с переулочка» 9
«Вора – бей!» Воробей в нашем доме 11
Песня жаворонка 14
Райские птицы 16
Лунь, зелёные глаза 18
Грачи греют лапы себе на асфальте 20
Галка гуляет по спине коня 22
Почему синички синие 24
Как цапля сцапала лягушку 26
Орёл – царь птиц..... 28
Коршун над Жановой горкой..... 30
Цыплята под решетом 32
Чижик-пыжик 34
Журавлиный клин 37
Снегири на снегу..... 39
Свиристели 40

Наши братья меньшие 42
Белки-бракоделки..... 43
Мой друг ёжик..... 45

Игра в кошки-мышки 48
Крики косули 51
Заяц пишет,
а лиса читает 54

Байки про волка 56
Волчий шлях 57
Баритон Серого Волка 60
Предводитель собачьей стаи 63
Многодетная волчица 65
Иголки на волчьем языке 67

Лосиный остров 69
Лосиный остров 70
Шмель-финансист 72
Бобёр – строитель плотины 74
Лошадь по имени Верба 76
Кто в доме хозяин? 79

Окно в мир природы (фото и рисунки) 81

Игорь Леонардович Золотарев

СВИРИСТЕЛИ
Райские птицы

Книга для детей

Фото Леонарда Золотарёва (Орёл, Россия)
Рисунки Златы Фоссемань (Лион, Франция)
Дизайн, вёрстка Ольги Гладковой

На первой обложке: Эти самые райские птицы,
про которых тут говорится.
На задней обложке: всякие дяди и тёти, которые тоже были
детьми, катались на лыжах и санках, на собачках-таксах,
как на такси. Вот они – всякие шапки, всякие тут колпаки.

Издатель Александр Воробьёв.
Лицензия ИД № 00283 от 1 октября 1999 г.,
выдана Министерством Российской Федерации
по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций

Подписано в печать 10.06.2013. Формат 60x84 1/8.
Бумага офсетная. Усл. печ. л. 25,58. Тираж 200 экз. Заказ № 99.

Отпечатано на полиграфической базе
Издателя Александра Воробьёва: г. Орёл, ул. 3-я Курская, 20.
Тел.: (4862) 76-17-15, 54-15-48, 55-47-01.
E-mail: orlik_id@orel.ru www.orlik-id.orel.ru